

ЧАРАИ ВИ

ПОДМЕННАЯ НЕВЕСТА

ДЛЯ ОФИЦЕРА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Чарли Ви

Подменная невеста для офицера

«Автор»

2026

Ви Ч.

Подменная невеста для офицера / Ч. Ви — «Автор», 2026

– Выйдешь замуж вместо сестры! – спокойно продолжает отец. – Свадьбу я отменять не буду. – А я не буду выходить замуж за мужчину, которого не знаю. Только потому, что Яна испугалась и сбежала. – Испугалась? – он усмехается. – Будто выйти замуж – это трагедия. Руслан Градов – офицер. Надёжный. Не бандит и не мажор. За такого я готов отдать свою дочь. – А если я просто не хочу?! – голос дрожит, но я не отступаю. – От одного раза не помрёшь, – холодно говорит он. – Не выйдешь замуж за Градова – можешь попрощаться с карьерой гейм дизайнера. – Ты не можешь... – Могу! Ты ведь меня знаешь. Одевайся! Я не собираюсь терять репутацию из-за твоих капризов. Отец заставил меня выйти замуж вместо моей сестры близняшки. Теперь я должна провести на острове 14 дней с совсем незнакомым мне мужчиной. Что будет, когда он поймёт, что его обманули?

© Ви Ч., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Катастрофа	5
Глава 2. Это всё сон	7
Визуал	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	39
Глава 13	42
Глава 14	45
Глава 15	48
Глава 16	50
Глава 17	53
Глава 18	56
Г	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Чарли Ви

Подменная невеста для офицера

Глава 1. Катастрофа

– ЯНА!!!

Мамин крик разносится по всему дому.

Я вздрагиваю так резко, что проливаю кофе на руку.

Блин, горячо как и больно, но я этого почти не чувствую. Ставлю чашку на столешницу и бегу наверх, в Янкину комнату. Вроде звук оттуда. Вот уверена, что мама, как всегда, панику на ровном месте устроила.

– ЯНА! – снова кричит. Ещё громче. С надрывом.

Я перепрыгиваю через ступеньку, держусь ладонью за перила. Сердце колотится в горле, дыхание сбивается. Да что там такого случилось?

Дверь в комнату Яны распахнута настежь.

Внутри – хаос.

Постель разворочена, покрывало сброшено на пол. Чемодан открыт, свадебное платье сдёрнуто с плечиков и валяется на полу, как ненужная тряпка. На туалетном столике перевёрнуты флаконы с духами, запах сладкий, удушливый.

Мама стоит посреди комнаты. Ноздри яростно раздуваются.

Лицо красное, губы дрожат. Ещё немного и она в обморок грохнется. Это она может.

В руках у неё скомканный лист бумаги. Пальцы побелели от напряжения. Она тяжело дышит, будто марафон пробежала.

– Что случилось? – спрашиваю хрипло, с отдышкой, ну не спортсменка я, от слова совсем. Я больше по компам и написанию программ.

Мама резко оборачивается. Злая и растерянная. По взгляду вижу, что сейчас всем будет плохо это либо истерика нам обеспечена, либо обиженный игнор.

– Она сбежала.

– Что?... Кто? – я делаю шаг вперёд. – В смысле – сбежала?

Мама швыряет в меня записку. Лист задевает плечо и плавно опускается на пол.

Я поднимаю его дрожащими пальцами.

Мама, прости. Я не могу. Я не готова выходить замуж по приказу.

Я люблю другого.

Последняя строка, словно насмешка над всеми. Я читаю её снова. И снова.

– Она с ума сошла... – выдыхаю я.

– Она нас опозорила! – срывается мама. – В день свадьбы! Перед всеми!

В дверях появляется отец.

Он окидывает взглядом комнату своим пронзительным взглядом. Сразу понимая суть проблемы. Папа – это не мама. Всегда поражалась его проницательности.

Он забирает записку из моих рук. Пробегают глазами строчки. Лицо каменное, неподвижное, только желваки гуляют.

– Глупость, – говорит он.

– Пап, – я резко поворачиваюсь к нему. – Да ты не воспринимай так серьезно. Может она...

– Не может, – грубо обрывает меня.

Одно слово – и воздух в комнате будто становится тяжелее.

– За глупое поведение она ещё ответит, – продолжает он спокойно. – А проблему надо решать сейчас. Свадьбу я отменять не буду.

Он смотрит прямо на меня.

В груди всё сжимается ледяной ком.

– Нет, – говорю я. – Не смотри на меня так. Даже не думай.

– Ты выйдешь за него, – нависает отец надо мной. – Ты должна.

– Я не буду выходить замуж за мужчину, которого не знаю. Только потому, что Яна испугалась и влюбилась в другого.

– Испугалась? – он усмехается. – Будто выйти замуж – это трагедия. Вы, бабы, такие глупые. Готовы сломя голову нестись за улюдком, но хорошего мужика даже на расстоянии метра не разглядите.

Он делает шаг вперёд. Я чувствую его давление почти физически.

– Я этого человека лично проверил. Руслан Градов – офицер. Надёжный. Не бандит и не мажор. За такого я готов отдать свою дочь.

– А если я не хочу?! – голос дрожит, но я не отступаю. – Я вообще замуж не собиралась!

– От одного раза не помрёшь, – холодно говорит он. – Не понравится – разведёшься.

Мама стоит у стены, сжав руки в кулаки. Тоже смотрит на меня.

– Или считай, что ты мне не дочь, – добавляет отец.

– То есть твоя репутация важнее собственной дочери? – всё ещё не верю я.

Ладно, я мирилась, когда в детстве за выходки Яны мне всегда прилетало. Я смирилась, что Яна хоть и младше меня на пятнадцать минут, но большая часть любви родителей досталась ей. Но чтобы я за неё ещё и замуж выходила...это уже перебор.

– Нет, – продолжаю стоять на своём. – Даже не просите.

– Аня, подумай, что скажут люди. Что подумают о нас. Столько денег вложено, сколько гостей приглашено. Папины друзья, сослуживцы, влиятельные люди. И просто взять отменить всё? – шепчет мама, не сводя с меня своих широко распахнутых глаз. – Ты должна нас спасти. Должна. Это твой долг как члена семьи.

Я опускаю взгляд на смятое платье Яны на полу.

Сама же себе твержу: «Не смей соглашаться. Ты уже живёшь не с ними. У тебя своя жизнь. Пусть сами разгребают это. Ведь Яна их любимая дочь».

Вид мамы пугает, она выглядит так, будто ещё немного и она помешается.

– Если не выйдешь за него, забудь о карьере со своими программками и кодами, – угрожает отец мне самым дорогим.

Я ведь столько к этому шла. Он не имеет права!

– Ты не можешь...

– Могу! Ты ведь меня знаешь.

Знаю, ещё как знаю. Папа у меня из разряда умри, но сделай. Ему плевать на причины и желания, для него важна цель. Он мыслит стратегически и может пожертвовать малым для достижения большего. Малое на данный момент это я.

У меня просто выбора не остаётся. Ненавижу себя в этот момент за то, что не могу ничего придумать, чтобы ответить. Ненавижу сестру. Всех ненавижу!

Вот сволочь! Подставила меня! Встречу – прибью.

– У тебя пятнадцать минут, – говорит отец, глядя на часы. – Потом придут визажисты. И только попробуй Руслану рассказать. Ты знаешь, что будет.

Глава 2. Это всё сон

– Согласны ли вы, Яна, взять в мужа Руслана Градова, любя его, храня ему верность в горе и радости, пока смерть не разлучит вас?

Голос регистратора звучит глухо, будто из-под воды. Я слышу слова, но смысл доходит не сразу. Внимание упрямо цепляется за руку, в которой зажаты мои пальцы. Слишком крепко. Слишком по-настоящему.

Я стою в платье цвета слоновой кости – слишком дорогое, слишком чужое. Не моё. И думаю о том, что никогда в жизни не любила белый. Он всегда казался мне фальшивым. Как улыбки гостей. Как поздравления, произнесённые на автомате. Как это слово – навсегда.

Для кого-то это «навсегда» заканчивается через год, а то и раньше. Всё это фарс. Свадьбы давно стали зрелищным шоу – кто пышнее, кто дороже, кто громче.

Мои пальцы лежат в широкой ладони мужчины, который официально считается моим женихом. Его рука горячая. Уверенная. В отличие от моей – ледяной и влажной от напряжения.

Руслан Градов стоит рядом и почти не шевелится. В идеально сидящем тёмном костюме, который не в силах скрыть военную выправку. Он вообще не из тех мужчин, которые суетятся. Даже сейчас, когда на него смотрит весь зал, он выглядит так, будто сошёл с рекламного щита.

Настоящий военный.

Красивый, здоровенный – всплывают в памяти строчки песни.

У Руслана широкие плечи, прямая спина, коротко стриженные тёмные волосы. Резкие, мужественные черты лица, словно выточенные ножом. Короткая щетина. Ни одной лишней эмоции.

Таких любят женщины.

Я вижу краем глаза, как к нему прикованы взгляды. Как следят за каждым движением. Как у некоторых девиц губы кривятся от зависти.

Повезло, – думают они.

Вот это мужчина.

Да. Мужчина он настоящий. Без сомнений.

Вот только я бы такого себе не выбрала.

Никогда.

Слишком хорошо знаю, чем заканчивается жизнь рядом с такими мужчинами.

Руслан слегка поворачивает голову. Почти незаметно, но я ловлю это движение сразу. Он смотрит на меня. Ждёт ответа, который я никак не могу произнести.

Он чуть сжимает мою ладонь – напоминание, что я здесь не одна. Что он рядом.

Женщинам это нравится. Я вижу, как одна из подружек невесты в первом ряду буквально тает от этого жеста.

А у меня внутри всё сжимается и холодеет.

В зале начинается движение. Шорох. Кашель. Неловкие повороты голов. Генералы и генеральши не любят пауз. Особенно на церемониях такого уровня.

Краем глаза замечаю движение и перевожу взгляд туда на первый ряд.

Там мама сидит, улыбка натянутая, губы сжаты в тонкую линию. Взгляд у неё напряжённый.

Отец – каменное изваяние с генеральскими погонами и взглядом, которым он способен сломать позвоночник.

Ты сильная. Ты справишься. Так он всегда говорил мне.

Поэтому я до сих пор и стою здесь. Иначе бы уже давно сбежала – как это сделал Яна.

– Всё хорошо? – тихо спрашивает Руслан, почти не размыкая губ.

Скажи ему. Скажи сейчас.

Я почти решаюсь. Сердце колотится где-то в горле. Мне кажется, если я ещё секунду промолчу – он всё поймёт сам. Ведь если человек любит, он чувствует. Сердцем.

Где твоя интуиция, Градов?

Неужели ты правда ничего не видишь?

Но в тот момент, когда я уже готова открыть рот, я снова смотрю на мать.

Её улыбка не меняется. А вот кулак, сжатый у колена, говорит красноречивее слов. Так же она смотрела на меня в детстве, когда Яна делала глупости, а отвечать приходилось мне.

Мама предупреждает и напоминает про честь семьи.

И я закрываю рот.

Если я сейчас скажу правду – это конец. Скандал на весь город. Унижение. Позор. А я лишусь будущего.

Отец этого не простит. Никогда.

А Руслан...

Я снова смотрю на него. Он терпеливо ждёт. Военная выправка и дисциплина превращают людей в бессердечных и безэмоциональных големов.

Я это знаю слишком хорошо. Всё детство перед глазами живой пример в качестве моего отца.

– Да, – всё-таки выдавливаю из себя.

Голос звучит ровно. Почти уверенно. Настолько, что мне самой становится не по себе.

По залу прокатывается вздох облегчения. Кто-то аплодирует раньше времени. Регистратор улыбается натренированно, профессионально, не замечая, что невеста сейчас в обморок упадёт.

Руслан впервые за всё время улыбается. Нешироко, только уголком губ. Слегка сжимает мою руку.

Не надо, – хочется сказать. – Не трогай.

– Объявляю вас мужем и женой.

Внутри всё замирает.

– А теперь, – продолжает регистратор, – можете поцеловать невесту.

Руслан медленно наклоняется ко мне. Неспеша. Как человек, который привык брать своё и не сомневается в праве.

Я чувствую его запах – кожа, холодный металл часов, что-то ещё... опасное. Не парфюм. Он пахнет так, как пахнут настоящие мужчины. Такие самцы выделяют особенный аромат, их феромоны как раз и кружат голову каждой женщине в этом зале. И на меня тоже действует, но я ещё пытаюсь сопротивляться.

От его близости поднимается паника. Живот сводит судорогой, в горле застревает протест.

Его губы уже совсем близко.

Не надо. Пожалуйста, не надо.

Визуал

Давайте познакомимся с героями.

Анюта Попова, 24 года, занимается гейм-разработчик

Руслан Градов, 32 года, офицер, жених, и просто настоящий мужчина.

Глава 3

(Градов)

Я сразу чувствую, что что-то не так.

Не в одном конкретном моменте. Скорее в мелочах. В паузах. В том, как Яна стоит рядом как-то слишком прямо, будто держит стойку «смирно». В том, как её пальцы напряжённо сжаты, а взгляд упорно прикован к полу.

Раньше она такой не была.

Я знаю Яну живой. Улыбчивая, лёгкая, немного дерзкая, сексуальная. Поэтому она мне и понравилась. Не люблю кисейных барышень, которые слишком чувствительные и нежные. Яна же всегда умела смотреть в глаза, даже когда отец давил авторитетом и голосом. Особенно тогда. А сейчас – будто закрылась внутри себя и поставила стену.

Я сжимаю её ладонь чуть сильнее. Проверяю, здесь ли она. Пальцы у неё ледяные, тонкие пальцы. Списываю это на стресс.

Она вздрагивает.

Едва заметно, но я чувствую это кожей.

Нервы, – сразу говорю себе.

Эта супер роскошная свадьба. Толпа гостей. Генерал Попов в первом ряду. Он не покусился. Сам всё устроил, хотя Яна мечтала организовать всё сама. Но отвоевать не смогла. Как и я.

Голос регистратора гулко разносится по залу. Аплодисменты накрывают волной. Вспышки камер слепят. Я наклоняюсь к Яне, чтобы поцеловать.

Её губы холодные. Напряжённые.

Поцелуй выходит коротким, осторожным, словно она ждёт, когда всё это закончится, даже рот не открывает. Я ощущаю, как её тело не тянется навстречу, а наоборот – замирает, будто перед прыжком в холодную воду.

Это уже не просто странно, это просто пиздец как странно.

– А теперь первый танец наших молодых, – звучит бодрый голос.

Музыка заполняет зал. Я кладу руку Яне на талию. Чувствую под пальцами напряжённые мышцы. Она двигается правильно, послушно, но без отклика. Слишком аккуратно. Слишком отстранённо.

Я веду, как привык – уверенно, без лишних движений. Она следует, но взгляд упрямо уходит в сторону. Ни разу не поднимается ко мне.

– Ты чего? – спрашиваю тихо, наклоняясь ближе.

Её дыхание сбивчивое. Я это слышу. Сглатывает нервно. Дышит часто.

– Ничего, – отвечает она.

Слово это какое-то пустое. Ни интонации, ни энергии. Если что-то не нравится, сказала бы уже.

– Нормально себя чувствуешь? – не унимаюсь я.

– Да всё хорошо.

Бросает короткий взгляд и как будто стесняется меня.

Неужели мужики правы. Девушка после свадьбы сразу в тыкву превращается. Ну не так же быстро.

Мы кружимся под музыку. Я замечаю гостей: знакомые лица, погоны, дорогие костюмы. Генерал Попов стоит прямо как на параде. Я чувствую его взгляд даже не глядя.

Ох, вымотал же он мне нервы. Насколько я служивый человек, но это тот ещё диктатор. Как только детектор лжи не заставил пройти при нём.

Его слишком много в нашей жизни. Он всё устроил. Всё решил. Как всегда.

Яна хотела по-другому. По-тихому, по-семейному. Без этого цирка. Она злилась, когда мы говорили об этом. Замыкалась. Я это помню.

Вот и ответ, – снова убеждаю себя.

Её просто задавили.

Ну ничего, теперь она моя жена, дальше всё будет по-другому.

Я улыбаюсь уголком губ, представляя, как через пару часов мы окажемся там, где не будет никого, кроме нас. Море. Белый песок. Тишина. Ни отцовских приказов, ни взглядов. Для Яны сюрприз, да и для всех сюрприз тоже. Когда гости поедут в ресторан на банкет, мы уедем в аэропорт. А когда хватятся, мы уже улетим.

Танец заканчивается. Аплодисменты снова оглушают. Я беру Яну за руку и веду к выходу. Цветы, поздравления, чьи-то руки тянутся к нам. Я почти не слышу слов. Всё сливается в один гул.

Я закрываю её собой – плечом, корпусом, локтем. Привычка такая. Инстинкт защищать своё.

В холле становится прохладнее. Звук шагов гулко отражается от стен. Я не отпускаю её руку ни на секунду. Вывожу на улицу.

Воздух свежий. Лимузин блестит чёрным лаком. Водитель уже ждёт, открывает дверь.

Я помогаю Яне сесть, придерживаю платье, затем сажусь рядом. Фата цепляется за дверь. Я поправляю. Дверь мягко закрывается. Машина плавно трогается с места.

Я откидываюсь на спинку сиденья и выдыхаю.

– Ну наконец-то, – произношу вслух. – Самая неприятная часть закончилась.

Поворачиваюсь к ней.

– Ты как?

Яна молчит. Плечи чуть приподнимаются, пожимает плечами. Немного детский жест. Она смотрит в окно, где огни города растекаются полосами. А глаза блестят опасно. Вот чего не люблю, так это женские слёзы.

– Перенервничала, наверное, – говорю уже мягче. – Это нормально. Скоро всё закончится.

Я тянусь к ней, хочу притянуть ближе, почувствовать тепло, поцеловать без камер и свидетелей.

Она резко поднимает взгляд и как будто шарахается от меня.

И взгляд испуганный, настороженный, такой же, как и в зале был. Будто я не муж, а урод какой-то.

Ни черта не понимаю. Куда исчезла моя страстная женщина, которая любила целоваться.

Я замираю в нерешительности.

– Яна? – зову тихо. – Ты чего?..

Она не отвечает. Губы сжаты, дыхание поверхностное, частое.

– Только не говори, что ты...

Я осекаюсь.

Я сам не знаю, что собирался спросить. Но чувство тревоги уже не отпускает.

Машина набирает скорость, унося нас прочь от ЗАГСа, гостей и чужих взглядов.

А ощущение, что рядом со мной сидит совсем не та женщина, с которой я познакомился полгода назад.

– Так, давай начистоту: или ты мне говоришь, что не так, или я остановлю машину и мы никуда не едем. Ты же знаешь, я эти молчалки и обидки не люблю.

Глава 4

(Аня)

Лимузин мягко качает на поворотах, за окном полосами тянутся огни, а у меня внутри всё сжимается, будто кто мои нервы до предела натянул.

Вот он подходящий момент, чтобы рассказать всю правду.

Я смотрю на него. На его профиль, на прямую линию подбородка, на то, как свет с улицы скользит по щетине. Он злится, но держит себя. Не кричит. Не устраивает сцену. Просто требует правду так, как привык: коротко, по делу, без права на отступление.

И от этого страшнее.

Я втягиваю воздух.

– Руслан, я...

Голос выходит каким-то по-детски тонким. В горле сухо. Я ощущаю привкус металла. У меня всегда так, когда нервничаю. Словно я перед экзаменом боюсь, что провалюсь, если открою рот.

И в этот момент в салоне раздаётся звонок. Спасительный. Я бесшумно выдыхаю. Не думала про себя, что я такая трусиха.

Телефон Руслана вибрирует на сиденье, подсвечивая полумрак голубым экраном. Он бросает взгляд – и в лице что-то меняется. На секунду уходит злость, остаётся привычное напряжение.

– Прости. Сейчас, – коротко говорит он и тянется к телефону. – Твой отец. Ты же знаешь... лучше ответить.

Мне кажется, я перестаю дышать.

Он принимает вызов, прикладывает телефон к уху.

– Да, Виктор Владимирович.

Я слышу только часть разговора, но даже из того, что слышу понимаю, что папа в своём репертуаре. Руслан чуть подаётся вперёд, локти упираются в колени, плечи собираются, словно он снова на плацу.

– Понял. Да. Хорошо... Да, выезжаем... – пауза. – Нет, всё по плану. Понял вас.

С каждым «понял» у меня внутри будто кто-то подкручивает гайку.

Я вижу отца даже без камеры. Его взгляд. Его чёртову уверенность, что любой человек – пешка. Что всё вокруг можно переставить, как фигуры на доске.

Руслан заканчивает разговор довольно сухо:

– Виктор Владимирович, я всё понял. Хорошо.

Отнимает телефон от уха. Несколько секунд смотрит на экран, как будто решает что-то, потом резко гасит его и убирает в карман пиджака.

И уже вслух, тихо цедит сквозь зубы:

– Хрен тебе.

У меня по спине проходит холодок. Даже не от грубости – от того, как твёрдо это звучит. Сила в нём ощущается физически. Тяжесть. Уверенность. Привычка не прогибаться. Я вообще удивлена, что Градов ещё с моим отцом не сцепился.

Он откидывается назад, проводит ладонью по затылку, будто сбрасывает напряжение.

– Как же он меня достал, – выдыхает Руслан и снова смотрит на меня. В упор. – Так. Что ты хотела сказать?

Я раскрываю рот – и... не могу.

Звонок отца сейчас как напоминание о нашем разговоре и, даже, можно сказать, договоре.

«Ты знаешь, что будет».

Я слышу эти слова так отчётливо, будто папа произнёс их мне прямо в ухо. Я вижу его лицо в комнате Яны, его спокойствие, от которого всегда становилось страшно. Его угрозы, сказанные без эмоций, от того ещё весомее.

«Забудь о карьере со своими программками и кодами».

А у меня не просто «программки».

У меня проект, на который я положила два года. Книга-игра. Визуальная новелла с RPG-механиками. Мир, который мы с командой выстраивали по кусочкам ночами: сюжетные ветки, диалоги, система характеристик, последствия выбора, квесты, баланс. Мы уже прописали половину арок. Художник рисует окружение. Ребята с курса работают почти бесплатно – на одной вере и энтузиазме. Они пошли за мной, потому что я обещала довести до конца. И у нас действительно классно получается, если мы закончим.

И отец... отец финансировал. Не потому, что верил. Потому что ему надо всё контролировать. Держал меня на коротком поводке.

Если я сейчас скажу правду – он перекроет всё. Деньги. Помощь. Контакты. Он умеет делать это так, что люди исчезают из твоей жизни, как вычеркнутые из списка.

И я подведу не только себя.

Я подведу их.

Я смотрю на Руслана и понимаю, что у меня нет смелости поставить на кон всё разом. Не сейчас. Не в лимузине. Не когда рядом этот человек, который уже и так чувствует, что что-то не так.

Я заставляю себя моргнуть. Улыбаюсь и вздыхаю, как это делала всегда сестра, когда обнаруживались последствия её очередной выходки.

– Всё хорошо, – отвечаю я. – Правда. Я просто... перенервничала.

Он прищуривается.

– Перенервничала? – повторяет с сомнением.

– Да. Людей много, – я сжимаю пальцы на коленях под тканью платья, чтобы не дрожали.

– И... с отцом утром поругалась. Он был не в духе.

Это почти правда. Потому что утро действительно было адом.

Руслан чуть выдыхает, как будто находит для себя объяснение и цепляется за него, чтобы не думать о другом.

– Ну ничего, – говорит он уже спокойнее. – Теперь отдохнёшь от него.

Он двигается ближе. Его колено касается моего, и меня будто током бьёт. Я не успеваю отодвинуться – да и не делаю этого.

– Иди сюда, – говорит он тихо.

Он обхватывает меня рукой и притягивает к себе. Уверенно, без грубости, но так, что сопротивляться бессмысленно.

В этот раз я не дёргаюсь.

Я просто позволяю, потому что, если я оттолкну – он не поверит в «нервы». Он начнёт копать, а копать Руслан умеет, я это чувствую.

Он наклоняется, и его губы накрывают мои. Сначала ласково, словно разгоняется.

А потом будто срывается.

Поцелуй становится жёстче. Глубже. Он проводит языком по моей нижней губе и вжимает меня в себя так тесно, что мне становится трудно дышать. Его ладонь на талии сжимает сильнее, у меня кружится голова.

Он целует так яростно, будто наказывает – не за слова, а за то, что я не была с ним там, в ЗАГСе. Будто требует обратно ту женщину, которую ожидал увидеть. Ту, которую любит.

Я должна бы оставаться в здравом уме, контролировать ситуацию.

Но вместо этого мои руки сами оглаживают его широкие, твёрдые даже под тканью костюма плечи. Я ощущаю силу под ладонями. Стальную выправку. Мужскую, опасную уверенность.

Градов – не один из моих ребят с курса. Не художавый гений, который может до утра спорить о механиках и сценарии, но теряется, когда надо просто взять за руку.

Руслан берёт и не сомневается.

Я обвиваю его шею руками, будто не хочу, чтобы он останавливался. Будто мне самой нужен этот поцелуй, чтобы перестать дрожать. Чтобы заглушить голос отца в голове.

Руслан на секунду отрывается, дышит мне в губы, хрипло:

– Я хочу тебя... – и тут же добавляет, почти зло: – Скорей бы снять с тебя это чёртово платье.

Я сглатываю.

Платье действительно чёртово. Тесное. Корсет давит так, что рёбра ноют. Яна, видимо, похудела перед свадьбой, а я теперь расплачиваюсь за это нехваткой воздуха.

Я всегда предпочитала футболки и свободные штаны. В этом удобно и комфортно, свободно дышится и думается. А сейчас меня будто лишили всего: и воздуха, и мозгов.

Машина плавно сбрасывает скорость и останавливается.

Впереди мягко щёлкает перегородка, и голос водителя звучит деликатно, будто мы не в лимузине, а в каком-то дорогом кино:

– Приехали.

Руслан отрывается от меня не сразу. Ещё секунду держит, смотрит в лицо, будто пытается собрать по частям то, что ускользает.

А у меня перед глазами всё плывёт.

Мне нужно несколько секунд, чтобы снова понять, где я. Кто я. Что происходит.

Руслан выходит первым. Обходит машину и галантно подаёт руку. Я хватаюсь за неё не потому, что так положено, а потому что ноги ватные.

Я выбираюсь наружу, опираясь на него, и поднимаю взгляд.

Парковка. Люди с чемоданами. Стеклянные двери.

Мы перед зданием аэропорта.

Я моргаю, не понимая.

– Куда... – начинаю я сиплым голосом. – Почему мы...

Руслан чуть наклоняется ко мне, взгляд довольный и с хитрым прищуром.

– Сюрприз, – говорит он тихо. – Банкет без нас. А мы – улетаем. Как ты хотела.

Глава 5

(Аня)

Какой ещё самолёт? Я никуда не собиралась. Я вообще собиралась... не выходить замуж. Не играть чужую роль. Не врать. Не лететь. Не...

– Руслан, я... – начинаю снова.

Но он смотрит на меня, и взгляд у него становится тяжелее. Не злой – нет. Скорее такой, каким смотрят мужчины, которые привыкли решать. И не обсуждать. И мне вдруг становится ясно: если я сейчас упрусь – он не остановится. Он начнёт разбирать меня по частям, пока не докопается до причины.

Я сглатываю и замолкаю, чтобы окончательно не выдать себя.

– Надолго?

Руслан чуть приподнимает бровь.

– На две недели.

Две недели.

Я чувствую, как в животе всё проваливается.

– Я смотрю, ты не рада, – говорит он тихо, внимательно, будто ловит мою реакцию.

– Я рада, – выдавливаю я сразу. Слишком быстро. – Просто... это неожиданно. А куда мы летим?

Он будто бы верит. Или делает вид, что верит.

– А куда ты хотела? – вопросом на вопрос отвечает он. Смотрит странно. С прищуром. Как будто проверяет.

Я зависаю.

Паника поднимается волной, и мне приходится буквально рыться в памяти. Яна мечтала о многом. То Эверест, то Австралия, то какие-то острова, названия которых я даже не запоминала. В последнее время мы почти не общались. Я была по горло в проекте, в дедлайнах, в команде – и думала, что успею наверстать наше общение, когда-нибудь потом.

Не успела.

Я собираю в кучу то, что точно могло быть «Яниным».

– На пляже хотела отдохнуть, – говорю осторожно, заставляя себя улыбаться. – А где – не важно. Главное... дикарями. Без людей.

Секунда.

И по его глазам я понимаю: попала.

Уголок губ Руслана дёргается в улыбке.

– Вот дикарями и отдохнём, – говорит он довольно.

Я делаю шаг за ним и только сейчас вспоминаю про самое очевидное:

– А мне что... в свадебном платье лететь?

Руслан окидывает меня взглядом с ног до головы, и я снова чувствую корсет, который впивается в рёбра.

– Можешь в самолёте переодеться, – спокойно отвечает он. – Или здесь, в машине.

– Ты и вещи мне собрал? – не верю я.

– Поверь, они тебе там не понадобятся, – его голос становится ниже. – Но кое-что взял.

Он делает знак водителю, чтобы тот открыл багажник.

Там два чемодана.

То есть Руслан всё заранее продумал. Всё решил. Всё подготовил. Стратег хренов.

Ой, не люблю ругаться.

И даже возразить толком не могу, потому что, если начну возмущаться, это новые подозрения.

Я бы с радостью прямо сейчас вылезла из этого платья. Скинула бы корсет, вдохнула нормально. Но я одна... не справлюсь. Эти шнуровки, эти крючки – будто специально придуманы, чтобы женщина зависела от чьих-то рук.

В самолёте переодеваться ещё хуже. Там тесно, люди, туалет... я даже представить не могу, как буду снимать это всё одна, матерясь и путаясь в фате и юбках.

Я делаю выбор, который кажется меньшим злом.

– В машине, – говорю тихо.

Руслан кивает, будто этого и ждал.

Он подаёт в салон мой чемодан, забирается следом и закрывает дверь. Внутри снова полумрак и запах его парфюма.

Я хватаюсь за шнуровку корсета, пытаюсь развязать. Пальцы скользят. Узел затянут намертво. Я дёргаю сильнее – и больно тянет под лопатками. Дышать становится ещё тяжелее.

Руслан наблюдает несколько секунд. Молча. Потом придвигается ближе.

– Повернись, – говорит спокойно.

Я на мгновение замираю, но потом поворачиваюсь к нему спиной.

Его пальцы уверенно расслабляют шнуровку. Движения быстрые, точные, словно он это делал не раз. Или просто умеет распутывать любые узлы.

– Не пойму, – бурчит он, стягивая шнурок вниз, – в какой момент ты стала стесняться меня.

Я нервно смеюсь: получается жалко.

– Не тебя... а водителя.

Руслан хмыкает.

Корсет, наконец, ослабевает, и я делаю первый нормальный вдох за весь день.

Боже, как же хорошо!

Он тянет платье вниз и спускает его вниз. Оно соскальзывает с моих бёдер.

Я делаю шаг, второй... и выхожу из него.

И остаюсь в белых кружевных трусиках, чулках и поясе для чулок.

Грудь инстинктивно прикрываю ладонью. И тут же понимаю, что поторопилась: надо было сначала достать одежду из чемодана.

Потому что теперь, чтобы открыть чемодан, мне придётся убрать руку.

Руслан смотрит на меня тяжёлым взглядом. Не стесняюсь. Не пряча желания.

Он поправляет ширинку, тянет воротник рубашки, будто ему стало жарко.

– Может... задержимся чуток в машине? – голос низкий, хриплый. Он тянется ко мне.

У меня внутри всё вспыхивает и одновременно холодеет.

– Там водитель, вообще-то! – яростно шиплю я. – Он может в любой момент сесть! Лучше... достань мне одежду.

Руслан кривит губы, но возвращается в исходное положение. Берёт чемодан, ставит боком на сиденье и расстёгивает молнию.

Я наклоняюсь, начинаю рыться. И сразу хочется выругаться: никаких футболок и штанов.

Одни сплошные платья.

И ни одного бюстгальтера.

«Чёртова Яна!»

Я чувствую, как краснею от злости и стыда одновременно. И пока я судорожно перебираю ткань, пытаюсь найти хоть, что-то приличное, Руслан уже, оказывается, за моей спиной.

Он обхватывает меня руками.

Ладони накрывают грудь полностью.

Он прижимает меня спиной к своей мощной груди так тесно, что я слышу его дыхание у самого уха.

– Какая у тебя грудь, – шепчет он хрипло и целует меня в шею. – Идеальная.

Меня будто током пробивает.

Я едва дышу. Голова кружится так же, как в лимузине, только теперь это не от поцелуя, а от того, что я сижу почти голая, и его руки сжимают мои груди.

– Руслан... я же попросила... – голос у меня тонкий-тонкий, испуганный. Я пытаюсь отодвинуться, но он держит крепко.

Он целует ниже, в основание шеи, а потом прикусывает плечо – не до боли, но достаточно, чтобы я судорожно вздрогнула.

И в этот момент дверь со стороны водителя открывается.

– Руслан Александрович, – раздаётся сдержанный голос. – Время...

Я вздрагиваю так, что сердце подскакивает к горлу.

Руслан мгновенно заслоняет меня собой – широкими плечами, корпусом. Как щит.

– Сейчас, – бросает он коротко.

Я пользуюсь секундой, хватаю первое попавшееся платье из чемодана и натягиваю через голову дрожащими руками. Ткань цепляется за волосы, за пояс чулок, но мне всё равно – лишь бы прикрыться.

Руслан поворачивается ко мне.

Его взгляд всё ещё тёмный, жадный и немного раздражённый.

– Нам пора, – говорит он.

Мы выходим из машины. Свадебное платье остаётся в лимузине, как сброшенная кожа.

Я накидываю сверху вязаный свитер, чтобы не замёрзнуть. Руслан забирает один чемодан, второй отдаёт мне.

Я хватаю ручку, качу его по асфальту и иду рядом.

Перед нами стеклянные двери аэропорта.

А в голове крутится один вопрос:

«Как мне прожить с ним две недели в одном номере и остаться невредимой?»

Глава 6

(Аня)

Нас проводят в бизнес-класс, и места у нас рядом (ну глупо было бы надеяться, что мы будем сидеть не вместе), в отдельной кабинке, где можно закрыть дверь. В смысле – вообще закрыть. Чтобы никто не мешал. Чтобы никто не видел.

Мне становится жарко ещё до того, как я сажусь. Щёки пылают, во рту сухо от волнения.

Я выбираю место у иллюминатора. Привычка держаться ближе к окну, чтобы видеть, что происходит за бортом. Руки чуть дрожат, когда я разглаживаю подол платья на коленях. Платье чужое, сидит не так, как на Яне, и я постоянно боюсь, что где-то перекошилось, где-то съехало. И вырез какой-то чересчур откровенный. Грудь так и норовит выскользнуть, ещё и эти кондиционеры, от которых у меня соски в камешки превращаются.

Руслан садится рядом так, будто это его кресло по праву. Снимает пиджак спокойно, без суеты. Он вообще двигается так, что я на нём постоянно задерживаю на нём взгляд.

Он остаётся в только белой рубашке. Закатывает рукава, ткань натягивается на бицепсе, и я ловлю себя на том, что слежу взглядом за его пальцами, за тем, как он легко, без усилия, делает всё.

Потом он расстёгивает воротник.

Одна пуговица. Вторая.

И мне почему-то кажется, что от этого в кабине становится жарче. В приоткрывшемся вороте видна его мощная шея, и я на секунду залипаю на тёмной, волосатой груди, на ключицах, на линии, которая уходит под ткань.

Боже.

Я резко отворачиваюсь к иллюминатору, будто там есть ответ на вопрос, почему моё тело вообще реагирует. Я же не такая. Я та, кто думает головой. Та, кто просчитывает ветки сюжета и баланс, а не плывёт от одного чужого взгляда.

Но рядом с ним голова, как будто на автопилоте, мозг отключается.

Самолёт начинает движение. Плавно, тяжело. Дребезжит где-то внутри корпус, шины шуршат по полосе. Я сжимаю подлокотник и делаю вид, что меня волнует только взлёт. На самом деле меня волнует, что Руслан сидит так близко, что я чувствую тепло его тела через перегородку воздуха.

Разгон и у меня в животе привычно проваливается. Как на лифте, который вдруг решил прыгнуть вниз.

Мы отрываемся от земли.

Город под нами становится игрушечным, огни превращаются в тонкие нитки. А у меня внутри – всё равно не легче. Потому что теперь «сбежать» уже невозможно. Никаких «я передумала». Никаких «я выйду на следующей остановке».

Через несколько минут после набора высоты появляется стюардесса. Улыбка у неё отработанная, вежливая, но не настоящая. Она говорит с Русланом так, будто он здесь не пассажир, а хозяин.

– Ваш напиток, – мягко ставит перед ним бокал.

Руслан кивает, даже не напрягаясь. Делает маленький глоток, и я ощущаю запах виски, чуть сладкий, чуть горький.

– Вам что-нибудь принести? – стюардесса переводит взгляд на меня.

– Стакан воды, пожалуйста, – отвечаю быстро, потому что, если предложат вино, я соглашусь на автомате, а мне нельзя. Мне нельзя терять контроль.

Воду приносят почти сразу. Стакан холодный, и я обхватываю его пальцами, как спасательный круг.

Когда стюардесса уходит, дверь кабинки мягко закрывается.

Щелчок и мы словно оказываемся в отдельной комнате.

Только эта «комната» летит на огромной высоте, а моё сердце тарахтит не хуже двигателя самолёта.

Руслан садится так, как ему удобно. Широко расставив ноги, вытягивает их.

Его колено касается моей ноги.

Легко. Случайно? Может быть.

Но, мне кажется, это колено прожигает во мне дыру. Я ощущаю его жар даже через ткань.

Замираю, чтобы не усиливать соприкосновение.

Смотрю в окно и делаю вид, что мне безумно интересны облака.

Облака, кстати, действительно красивые. Белые, слоистые. Солнце лежит на крыле блестящей полосой. Всё так мирно, что хочется рассмеяться от контраста: снаружи – рай, внутри – пожар.

Потому что рядом сидит Руслан. Мужественный до невозможности. И я сама себя не узнаю: мне нравится его резкий запах, нравится то, как он держит стакан, как двигается его челюсть, когда он глотает. Нравится даже то, что он молчит. У него даже молчание уверенное, какое-то наполненное.

Он наклоняется ко мне тоже, будто просто хочет посмотреть в иллюминатор.

И его лицо оказывается так близко, что я вижу его ресницы, вижу, как на щеке появляется ямочка под щетиной. Его дыхание касается моей кожи, тёплое, с привкусом виски.

– Красиво, – говорит он лениво.

Я киваю, не поворачиваясь, потому что, если повернусь – утону, потеряюсь.

Но он сам переводит взгляд с окна на меня.

Сначала на глаза. Потом – на губы.

И я чувствую, как у меня внутри всё падает вниз. Как перед прыжком.

Он целует меня.

Не спросив. Просто накрывает мои губы своими, уверенно и жадно. Будто так и должно быть. Вкус виски сразу обжигает. Горько. Крепко. И почему-то от этого поцелуй кажется ещё более взрослым, более настоящим, более опасным.

Его рука ложится на мою талию.

Пальцы сжимают ткань платья, как будто он держит меня, чтобы я не сбежала. А может, чтобы я не передумала.

Я выдыхаю ему в губы, звук выходит жалким, почти стоном. Ненавижу себя за это.

– Руслан...

Он не останавливается, наоборот, будто убеждается, что я дошла до готовности и идёт дальше. Его ладонь с талии скользит выше, к вырезу.

Платье у Яны, конечно, с характером: красивое, но подлое. Лиф низкий, ткань легко поддается. Руслан просто оттягивает её в сторону одним движением, без усилий.

Холод воздуха касается кожи.

Я инстинктивно напрягаюсь, пытаюсь подтянуть ткань обратно, но его рука уже там.

Ладонь накрывает мою грудь.

Тяжёлая. Горячая.

И от этого прикосновения меня будто прошивает током, который проходит по позвоночнику и опускается прямо в живот.

Мне страшно.

И мне... хорошо.

И от того, что хорошо, мне становится ещё страшнее.

Я кладу ладонь на его запястье, пытаюсь удержать хоть какую-то границу.

– Руслан, – шепчу я, и голос предательски тонкий. – Здесь же... самолёт.

Он отрывается на полсекунды. Смотрит мне в лицо так, будто спрашивает без слов: «И что?»

Потом уголок его губ дёргается.

– Дверь закрыта, – говорит он низко.

И его пальцы на моей груди сжимаются чуть сильнее.

А у меня в голове только одно:

«Если я сейчас не остановлю его, то и сама вряд ли остановиться смогу».

Глава 7

(Градов)

Я целую её и чувствую, сейчас сорвусь.

Это неправильно. Я никогда не был таким. Всегда держал себя в руках, даже когда Яна сама ко мне лезла, а она умела завести так, что крышу сносило, но я сдерживался.

А сейчас...

Сейчас я готов прямо здесь, в этом кресле, на высоте десять тысяч метров, взять её так, чтобы она забыла, как дышать.

И это бесит. Я привык контролировать своё тело, но сейчас я себя не узнаю.

Я провожу рукой по её груди. Пальцы сжимают податливую, тяжёлую плоть. Идеальная. У неё всегда была идеальная грудь. Но сейчас...

Сейчас она дёргается под моими пальцами иначе. Не так, как раньше. Раньше Яна сама тянулась, выгибалась, постанывала громче, а эта замирает. Дышит часто-часто, но не двигается, будто боится пошевелиться.

Я отрываюсь от её губ на секунду, смотрю в лицо.

Глаза закрыты. Губы припухли, красные. Щёки горят.

Красивая. Безумно красивая. Моя.

Но взгляд... то, как она себя ведёт: испуганно, как зверёк, который попал в капкан и не знает, что делать.

– Руслан... – шепчет она тонко.

И этот голос... он тоже другой. Чуть ниже, без игривой хрипотцы, которая всегда была у Яны, когда она меня дразнила.

Я на мгновение зависаю.

В голову лезет дурацкая мысль: а вдруг это её сестра... Если бы не знал, как выглядит её сестра-близнец то, точно так бы и подумал.

Но я видел её. У Яны в телефоне, когда она листала семейный альбом. Коротко стриженная девчонка в безразмерной футболке, ссутулившаяся, худая, плоская как доска. Ни груди, ни бёдер, ни намёка на женственность.

Не то что моя Яна. Ухоженная, сексуальная, с формами, от которых у меня слюна изо рта едва не течёт. Всегда при параде, всегда знает, как выглядеть так, чтобы мужики шеи сворачивали.

Эту женщину, что сейчас сидит передо мной, я бы ни за что не перепутал с той, с фотографии. Никогда.

И всё же... что-то не так.

Яна всегда была инициативной. Сама тянулась, расстёгивала мою рубашку или могла сесть на колени, обвивала шею руками и шептала на ухо такое, от чего у меня башню сносило.

А эта...

Эта сидит и смотрит на меня так, будто я монстр какой-то.

Но плевать.

Плевать, потому что у меня член уже гудит, как трансформаторная будка.

Я наклоняюсь к её шее. Целую. Чувствую, как пульс бьётся под губами – часто, бешено. Провожу языком по ключице, вдоль линии, которая уходит в вырез платья.

Она выдыхает. Стон – тихий, сорванный, но такой сладкий, что у меня в паху всё сжимается до боли.

– Сладкая... – рычу я в её кожу.

Опускаюсь ниже. Губами нахожу сосок – он уже твёрдый, напряжённый, будто ждал меня. Обхватываю, втягиваю в рот, провожу языком.

Она стонет громче. Выгибается – наконец-то! – подаётся навстречу. Руки сами тянутся к моим плечам, цепляются за рубашку.

– Руслан... – снова шепчет, но теперь в этом голосе нет испуга.

Теперь там что-то такая страсть, что у меня в голове мутится.

Я другой рукой задираю подол её платья выше. Выше. Ещё выше.

Ткань шуршит, собирается складками у неё на талии. Моя ладонь ложится на её бедро. Чулки, пояс для чулок, кружево...

Член упирается в ширинку так, что молния, кажется, вот-вот лопнет.

Я сажаю её на себя. Приподнимаю, притягиваю ближе, чувствую, как её бёдра сжимаются вокруг меня.

Она прижимается ко мне. Вся дрожит мелко-мелко. И я дрожу тоже. Потому что это – пиздец. Потому что я сейчас кончу просто от того, что она так близко, так тесно, так... моя.

Я тянусь к её губам снова, хочу поцеловать, хочу внутрь, хочу уже, наконец, сделать её своей женой по-настоящему, а не по бумажке...

Стук в дверь.

Громко. Настойчиво.

Я замираю.

– Руслан Александрович? – раздаётся снаружи вежливый, проклятый голос стюардессы.
– Ваш ужин. Принести?

Яна распахивает глаза. Широко-широко, как от пощёчины. И сразу тянет платье вниз, дёргает, зарывается пальцами в ткань, пытаюсь прикрыть грудь, которая вся в моих влажных следах, в моих поцелуях.

– Блять, – выдыхаю я сквозь зубы.

Одёргиваю ей платье сам. Быстро, зло. Поправляю, чтобы ничего не видно было. Никому.

Член стоит колом, неудобно, больно почти, прикрываюсь пиджаком. Открываю дверь.

Стюардесса стоит с улыбкой, натренированной годами. В руках поднос. Запах еды щекочет нос, и мне хочется послать её куда подальше вместе с этим ужином.

– Принесли, – говорит она жизнерадостно. – Курица, рыба, гарнир на выбор. Что будете?

Я молчу пару секунд. Сглатываю. Поворачиваюсь к Яне.

Она сидит, вжавшись в кресло. Раскрасневшаяся. Губы красные, припухшие. Волосы растрепались. Вид у неё такой, будто её только что... Ну, в общем, вид понятный.

– Будешь есть? – спрашиваю хрипло.

Она смотрит на меня. Глаза всё ещё тёмные, всё ещё немного безумные. Кивает.

– Да, – голос тонкий, но вдруг добавляет твёрже: – Да. Буду. Очень хочу есть.

Стюардесса тут же включается:

– Курица с овощами? Или рыба с рисом? Может быть, пасту? Или...

Яна перебивает:

– Всё буду.

Стюардесса моргает.

– Простите?

– Всё, – повторяет Яна. – И курицу, и рыбу, и пасту. И... что там ещё есть?

Стюардесса растерянно смотрит на меня.

Я киваю:

– Несите всё.

Дверь закрывается. В кабинке повисает тишина. Только гул двигателей.

Я смотрю на Яну. Она отводит взгляд, сжимает пальцы на коленях.

Член до сих пор стоит. И ни хрена не падает.

Стюардесса возвращается быстро. Расставляет перед Яной тарелки. Мясо, рыба, овощи, рис, паста, какой-то салат, хлеб, сыр... На маленьком столике места не хватает, ставят на мой тоже.

Яна берёт вилку и начинает есть.

Ест быстро, жадно, будто неделю голодала. Откусывает, жуёт, глотает, тянется к следующему куску.

Я хмрюсь.

Раньше Яна так не ела. Вообще. Она всегда следила за фигурой, за весом, за каждым кусочком, который отправляла в рот. Могла поковырять салат вилкой и сказать, что сыта. А тут...

– Вкусно? – спрашиваю.

Она поднимает на меня взгляд. Жуёт и кивает.

– Очень.

И снова утыкается в тарелку.

Я молча смотрю на часы.

Четыре часа лёту. Четыре грёбанных часа.

Я перевожу взгляд на её губы. На то, как она облизывает вилку. На то, как двигается её горло, когда она глотает.

Член не падает.

Яна пробует из каждой тарелки. Видно, что уже ковыряется, не хочет. Потом всё-таки откидывается на спинку кресла, выдыхает.

– Извини, – говорит тихо. – Я правда проголодалась.

– Ничего, – отвечаю.

Она сидит. Молчит. Потом резко встаёт.

– Я в туалет.

И выскальзывает за дверь, пока я не успеваю ничего сказать.

Я остаюсь один.

В кабинке тихо. Пахнет едой и ею. Её запах везде: на мне, на кресле, в воздухе.

Я откидываю голову назад, закрываю глаза.

Член стоит твёрдый, как камень и ни хрена не думает падать.

Я смотрю на часы. Четыре часа.

– Блять, – говорю в пустоту.

Поправляю ширинку. Бесполезно.

Глава 8

(Аня)

Я закрываю дверь туалета и прислоняюсь к ней спиной.

Сердце колотится где-то в горле. Глухо, часто, бешено. Я смотрю на себя в зеркало и не узнаю.

Глаза огромные, тёмные, зрачки расширены так, что радужки почти не видно. Щёки горят. Губы красные, припухшие, и на шее... на шее тёмное пятно. Я поворачиваю голову, рассматриваю. Засос. Он оставил на мне засос.

Боже.

Я провожу пальцами по этому месту и вздрагиваю. Кожа помнит его губы, его язык и дыхание. И от этого воспоминания у меня внутри всё скручивается и сладко, и страшно одновременно.

Я отворачиваюсь от зеркала, опираюсь руками на раковину.

Что я творю?

Я должна была сказать ему правду ещё в лимузине. Должна была найти в себе силы, а вместо этого позволила себя целовать и трогать себя.

Потому что я хотела. И это признание полностью лишает меня уверенности в собственных силах. Боюсь выйти из туалета.

Я хотела, чтобы он продолжал, чтобы его руки продолжали ласкать. Мне хотелось, чтобы он снова целовал меня так, будто я единственная, кто ему нужен.

Но я недолжна забывать, что я не Яна. Я Аня. Та, которая сидит за компьютером сутками и, у которой личная жизнь ограничивается парой неудачных свиданий с программистами, которые боятся подойти ближе, чем на метр. Та, которая никогда не знала, каково это – когда тебя хочет такой мужчина.

А теперь знаю.

И теперь не знаю, как с этим жить.

Я включаю холодную воду. Ополаскиваю лицо, чтобы хоть немного привести себя в чувство. Смотрю на часы, а прошло только пять минут. Надо ещё потянуть время.

Я поправляю платье. Заправляю выбившиеся пряди за уши. Пытаюсь пригладить волосы – бесполезно, они торчат в разные стороны. Расчёски нет. Косметички нет. Ничего нет.

Я снова смотрю на засос.

Придётся прятать. Волосами, воротником, чем угодно.

Проходит ещё три минуты. Понимаю что не могу сидеть здесь вечно.

Делаю глубокий вдох и выхожу из туалета.

В проходе перед кабинками пусто. Только стюардессы мелькают где-то в хвосте. Я делаю шаг, другой... и останавливаюсь.

Назад, в эту кабинку к нему, под его взгляд, в его руки – я не могу. Не сейчас. Не после того, что было.

Я делаю ещё несколько шагов вперёд, к выходу из зоны бизнес-класса. Там есть небольшое пространство, иллюминаторы, пустые кресла. Останавливаюсь у окна.

Смотрю на облака. Белые, плотные, они тянутся бесконечной ватой. Солнце слепит, но я не отворачиваюсь.

– Яна?

Голос Руслана раздаётся сзади. Я вздрагиваю всем телом, но не оборачиваюсь сразу. Делаю глубокий вдох, потом ещё один.

– Ты чего здесь стоишь? – он подходит ближе. Я слышу его шаги, чувствую его запах раньше, чем он оказывается рядом.

– Спина затекла, – говорю я, не поворачивая головы. – Сидеть надоело. Вот решила размяться.

Он встаёт рядом. Совсем близко. Его плечо почти касается моего.

Я смотрю в иллюминатор и молю, чтобы он не трогал меня. Чтобы не прикасался. Потому что если прикоснётся – я снова расту.

– Красиво, – говорит он.

– Да.

Мы молчим. Секунду. Две. Минуту.

Я чувствую его взгляд на себе. Он смотрит не в окно, на меня смотрит.

– Пойдём обратно, – говорит он негромко. – До посадки ещё три часа.

– Ещё постою, – отвечаю я. – Воздуха не хватает.

Это почти правда. Мне действительно не хватает воздуха. Только воздух тут ни при чём.

Руслан молчит, пожимает плечами.

– Как хочешь.

Уходит, а я выдыхаю.

Стою у иллюминатора ещё минут десять. Потом медленно бреду обратно. Открываю дверь кабинки.

Руслан сидит в своём кресле. Пьёт виски. Смотрит на меня тяжёлым взглядом. От этого взгляда у меня подкашиваются колени.

Я сажусь на своё место. Сжимаюсь, стараясь занять как можно меньше пространства. Смотрю в иллюминатор.

В кабинке тихо.

Слышно только гул двигателей и его дыхание.

Я чувствую, как он смотрит на меня. Как взгляд скользит по шее, по ключицам, по губам. Как будто он меня раздевает. Как будто продолжает то, что мы не закончили.

У меня мурашки по коже.

– Яна, – говорит он вдруг.

Я вздрагиваю.

– Что?

– Посмотри на меня.

Я медленно поворачиваю голову.

Он смотрит в упор. Серьёзно. Без улыбки.

– Ты чего боишься?

Сердце пропускает удар.

– Я не боюсь.

– Боишься, – спокойно говорит он. – Я же вижу. Дрожишь вся. Отводишь взгляд. В туалет сбегаешь и по проходам гуляешь, лишь бы рядом не сидеть.

Я молчу.

– Что случилось? – спрашивает он. – До свадьбы всё было нормально, а сейчас ты будто чужая.

Я сглатываю. В горле ком.

– Я... просто устала. Правда. Этот день... столько всего.

Он смотрит на меня ещё несколько секунд. Потом отводит взгляд.

– Ладно, – говорит коротко. – Отдыхай.

Допивает виски одним глотком и ставит стакан на столик. Встаёт.

– Я в туалет.

И выходит. Как только дверь закрывается, я действую.

Быстро хватаю плед, который лежит на соседнем кресле, накидываю на себя. Достаю маску для сна, надеваю. Откидываю кресло назад почти горизонтально.

Укрываюсь с головой. Замираю.

Сердце колотится так, что, кажется, плед ходуном ходит.

Я слышу, как открывается дверь.

Пауза.

– Яна?

Тишина.

– Яна, – снова зовёт он, уже громче.

Я не шевелюсь, дышу ровно, притворяюсь что сплю.

Он подходит ближе. Я чувствую его присутствие даже сквозь закрытые глаза. Останавливается прямо надо мной.

Молчит.

Я задерживаю дыхание.

Секунда. Две. Десять.

Он стоит и смотрит на меня. Я это чувствую кожей, каждой клеткой.

Потом отходит.

Слышу, как он садится в своё кресло. Матерится тихо, сквозь зубы.

Я почти улыбаюсь.

Дальше время тянется бесконечно.

Я лежу неподвижно. Стараюсь дышать ровно. Иногда чуть заметно меняю позу, чтобы не затечь окончательно. Но маску не снимаю. Глаза не открываю.

Руслан сидит рядом. Молчит. Только иногда я слышу, как он двигается, как трогает что-то, как снова матерится вполголоса.

Он бесится. Я это чувствую, всей кожей чувствую его недовольство.

Но я не могу позволить себе снова оказаться в его руках. Потому что в этот раз я уже не останавлиюсь. И тогда – всё. Тогда правда выплывет наружу.

Гул двигателей меняется. Самолёт начинает снижение.

Я слышу голос пилота по громкой связи: просит пристегнуть ремни, убрать столики, привести кресла в вертикальное положение.

Я медленно, как будто спросонья, стягиваю маску, приоткрываю глаза.

Руслан сидит напротив, смотрит на меня.

Взгляд у него тяжёлый, злой.

– Выпалась? – спрашивает холодно.

– Ой, а я и не заметила, как уснула, – отвечаю тихо.

Привожу кресло в нормальное положение и поправляю плед.

Глава 9

Мы выходим из самолёта. Ночной воздух овеивает в лицо. Тёплый, влажный, пахнет морем и цветами. Я глубоко вдыхаю, пытаюсь унять дрожь.

В здании аэропорта нас уже ждут. Мужчина в строгом костюме держит табличку с фамилией «Градов». Руслан кивает ему, и мы идём за ним, минуя толпу, очереди, суету.

Нас проводят по VIP-зоне, выводят к отдельному выходу. Там стоит чёрный микроавтобус с тонированными стёклами. Водитель открывает дверь, забирает чемоданы.

Руслан подаёт мне руку, помогает забраться внутрь. Я сажусь на мягкое кожаное сиденье. Он рядом. Слишком близко.

В салоне прохладно, пахнет свежестью. За стеклом проплывают огни ночного города. Я смотрю в окно, делая вид, что мне ужасно интересно, что там, снаружи. Хотя нет, не делаю вид. Мне и правда интересно. Не так часто я катаюсь по заграницам, тем более на экватор.

Водитель рассказывает на ломанном русском что-то про отель, Руслан отвечает односложно. Я даже не вслушиваюсь.

Смотрю на свои дрожащие руки. Сжимаю их в кулаки, прячу под край платья.

Машина останавливается.

Отель – большой, светящийся огнями, с пальмами у входа и швейцаром в ливрее. Мы выходим. Носильщик забирает чемоданы, А мы с Русланом идём к стойке регистрации.

– Добро пожаловать, господин Градов. Всё готово, – нас приветствует девушка-администратор с вежливой улыбкой.

Провожает нас к зеркальному лифту. Я вижу нас со стороны. Он – высокий, широкоплечий, в тёмном костюме, с жёстким лицом. Я – растрёпанная, в чужом платье, с засосом на шее и безумными глазами.

Смотримся эффектно. Как в кино.

Только это не кино. Это моя жизнь, которая летит в пропасть.

Лифт останавливается. Двери открываются. Длинный коридор, мягкий ковёр, приглушённый свет. Руслан идёт впереди, я плетусь сзади.

Он останавливается у двери с номером 412. Прикладывает карточку. Загорается зелёный огонёк.

– Заходи, – говорит он, пропуская меня вперёд.

Я делаю шаг, второй и замираю.

Номер огромный. Кровать просто гигантская, королевского размера, застеленная белоснежным бельём. Панорамное окно во всю стену, за ним море, чёрное, бесконечное, с лунной дорожкой. Диван, кресла, стол с фруктами, цветы в вазе.

Всё очень красиво и романтично.

Дверь за моей спиной закрывается – я вздрагиваю.

Руслан проходит мимо меня, снимает пиджак, небрежно бросает на кресло. Остаётся в белой рубашке. Закатывает рукава и поворачивается ко мне.

Я стою у двери и не могу двинуться с места.

Он смотрит на меня. Взгляд тяжёлый, такой же, как в самолёте. Только теперь мы одни, и теперь нам точно никто не помешает.

Он делает шаг ко мне.

Я делаю шаг назад, упираюсь спиной в дверь.

– Руслан... – голос срывается на хрип.

Он останавливается. Смотрит на меня сверху вниз. В его глазах будто угли тлеют.

– Яна, – говорит он низко, – мы приехали.

– Я вижу, – шепчу я.

– Мы одни.

– Я... да.

– Я хочу тебя, – он делает ещё шаг. Теперь между нами почти нет расстояния. Я чувствую жар его тела. – А ты?

Я киваю и не могу пошевелиться.

Он поднимает руку и касается моего лица. Проводит пальцами по щеке, по скуле, останавливается на подбородке. Приподнимает, заставляя смотреть в глаза.

– Ты моя жена, – говорит он. – Моя.

Я сглатываю, в горле пересохло.

Он отпускает меня и начинает раздеваться.

Медленно расстёгивает пуговицы на рубашке, одну за другой. Рубашка распахивается, открывая его грудь – широкую, мускулистую, покрытую тёмными короткими волосами. Я смотрю как заворожённая, не могу отвести взгляд.

Он скидывает рубашку на пол.

Теперь он стоит передо мной полуголый. У него идеальное тело. Тренированное, сильное, с рельефными мышцами, с тёмной дорожкой волос, уходящей вниз, под ремень брюк.

У меня подкашиваются ноги.

Он тянется к ремню. Слышу щелчок пряжки, он медленно вытягивает ремень из петель.

Я смотрю на его пальцы. На то, как они двигаются. И внутри всё сжимается, но не от ужаса.

– Руслан, – говорю я тонким голоском. – Подожди.

Он замирает. Смотрит на меня.

– Что?

Я открываю рот. Закрываю. Снова открываю.

Ни одного слова. Ни одной мысли. Только паника, которая заполняет всё внутри.

Он ждёт. Не двигается. Смотрит.

– Я... – выдавливаю, наконец. – Можно я в душ сначала?

Пауза.

Он смотрит на меня долго, потом уголок его губ дёргается. Усмешка

– В душ, значит.

– Да. Я с дороги. Устала. Хочу... смыть с себя всё.

Он молчит ещё секунду, потом кивает.

– Хорошо, иди.

Я выдыхаю. Пытаюсь сделать шаг в сторону ванной и не могу. Ноги не слушаются.

Руслан отступает на шаг. Даёт мне пройти.

Я хватаю свой чемодан и почти бегу в ванную.

Дверь закрывается за мной, я прислоняюсь к двери спиной и сползаю вниз, на холодный кафельный пол.

Сердце колотится так, что, кажется, сейчас выпрыгнет из груди.

Ванная комната огромная. Белый мрамор, зеркала во всю стену, огромная душевая кабина и джакузи, которая больше моей спальни дома.

Я сижу на полу и пытаюсь отдышаться и придумать, что делать дальше.

Из-за двери доносится шаги. Он ходит по номеру.

Я вскакиваю. Включаю воду в душе – погромче, чтобы ничего не слышать.

Раздеваюсь дрожащими руками. Сдёргиваю платье, стягиваю чулки, пояс, трусы. Остаюсь совсем голая и смотрю на себя в зеркало.

Оттуда на меня смотрят огромные глаза. У меня растрёпанные волосы и засос на шее. И тело, которое вдруг стало чужим. Которое помнит его руки и хочет продолжения.

– Нет, – шепчу я себе. – Нельзя. Ты не имеешь права. Он с Яной спал. Он сразу поймёт, что я не она.

Захожу под душ.

Горячая вода обжигает. Я стою, закрыв глаза, и думаю только об одном: сколько можно здесь проторчать, чтобы он не заподозрил ничего?

Час? Два? Всю ночь?

Бесполезно. Рано или поздно придётся выйти.

Я тщательно моюсь. Намыливаю себя несколько раз, смываю с себя весь этот день и страх. Но его прикосновения не смываются. Они въелись в кожу, в память, в каждую клетку.

Через полчаса понимаю, что больше тянуть нельзя. Вода начинает остывать, да и пальцы сморщились.

Я выключаю душ и стою в кабине, собираясь с духом.

Потом заворачиваюсь в огромное махровое полотенце, подхожу к двери, прижимаюсь ухом.

Тишина.

Может, он уснул? Может, я смогу тихонько прошмыгнуть в кровать и сделать вид, что сплю?

Надежда умирает последней.

Открываю дверь.

Выхожу.

В номере полумрак. Горит только торшер у кровати. Руслан сидит в кресле у окна без рубашки. Брюки всё ещё на нём, но расстёгнуты. В руке – стакан с чем-то янтарным. Виски, наверное.

Он смотрит на меня.

Взгляд медленно скользит по моему телу, прикрытому только полотенцем.

Я останавливаюсь в дверях.

Он встаёт и идёт ко мне.

Не спеша как хищник, который знает, что добыча никуда не денется.

Я делаю шаг назад и упираюсь спиной в косяк.

Он подходит вплотную. Кладёт ладони на стену по обе стороны от моей головы и наклоняется.

– Наигралась? – спрашивает тихо.

Я смотрю в его глаза и тону.

– Всё утро бегала, – продолжает он. – В самолёте в спячку впала. Думала, не замечу?

Я сглатываю.

– Руслан...

– Что? – перебивает он.

Его лицо так близко. Я чувствую его дыхание и тепло кожи.

Одна его рука ложится мне на талию. Пальцы сжимают край полотенца.

– Хватит уже убегать, – говорит он. – Ты моя жена. Моя.

И тянет полотенце вниз.

Глава 10

(Аня)

Полотенце соскальзывает с меня и падает на пол.

Я стою перед ним абсолютно голая. Без возможности спрятаться или закрыться. Я инстинктивно вскидываю руки к груди, пытаюсь прикрыться.

Руслан перехватывает мои запястья. Мягко разводит их в стороны, прижимая к стене.

– Не надо, – говорит он хрипло. – Не прячься.

Сердце колотится где-то в горле, заглушая все звуки. Его голодный взгляд на своём теле. Он скользит по шее, по груди, по животу, ниже. И от этого взгляда у меня слабеют колени.

– Красивая, – выдыхает он. – Какая же ты красивая.

Он поднимает голову, впивается в мои глаза взглядом, и я снова тону в этих каре-золотистых омутах. Руслан говорит, что я красивая, но на самом деле это он очень красивый и мужественный. Не понимаю, как Яна могла отказаться от него.

Он отпускает мои запястья, а его ладони ложатся мне на талию. Пальцы скользят по коже, поднимаются выше, по рёбрам, останавливаются под грудью. Он не торопится, словно изучает меня, запоминает каждую линию, каждый изгиб.

– Руслан... – шепчу я, и голос звучит чужо, тонко, испуганно.

– Тсс, – он прикладывает палец к моим губам. – Молчи.

Я молчу.

Его ладони накрывают мою грудь. Тяжёлые, горячие. Он сжимает осторожно, будто пробует на вес, на ощупь. Большим пальцем проводит по соску, и я вздрагиваю всем телом.

– Мне кажется, у тебя грудь стала больше, – его голос царапает меня глубоко внутри, передавая эту дрожь по нервам, будто по натянутым струнам гитары.

Я чувствую, как сосок твердеет под его пальцами, как по позвоночнику бежит дрожь, а внизу живота разливается тянущее тепло.

Он наклоняется и касается губами моей шеи. Там, где засос. Проводит языком по тёмному пятну, и я всхлипываю.

– Моя, – выдыхает он в кожу. – Только моя.

Я зарываюсь пальцами в его волосы. Сама не замечаю, как это происходит. Просто вдруг понимаю, что мои руки у него на затылке, что я притягиваю его ближе, что я уже не хочу, чтобы он останавливался.

Он целует шею, ключицу, спускается ниже. Останавливается у груди, обводит языком сосок, дует на него, и я выгибаюсь, вжимаясь в него, теряя остатки контроля.

– Руслан, пожалуйста... – срывается с губ.

– Что, пожалуйста? – он поднимает голову. Смотрит мне в глаза.

А я уже не помню. Кажется, хотела попросить остановиться, но боюсь сказать другое. Тело требует продолжения ласки.

Он ждёт.

Я сглатываю, облизываю губы.

Уголок его губ дёргается. Он подхватывает меня под ягодицы, приподнимает, и я инстинктивно обхватываю его ногами за талию. Моя спина всё ещё прижата к стене, но теперь между нами нет ни миллиметра расстояния.

Я чувствую его возбуждение. Твёрдое, горячее, упирающееся мне в промежность. И от этого чувства у меня мутится в голове.

Он несёт меня к кровати. Опускает на белоснежное покрывало, нависает сверху.

Я смотрю на него снизу вверх. На широкие плечи, на тёмные волосы, на глаза, в которых сейчас нет ничего, кроме голода.

Он наклоняется и целует меня.

Я таю. Растворяюсь в нём. Исчезаю в этом поцелуе, в его руках, в его запахе. Он везде – на моих губах, на моей коже, в моих мыслях.

Его ладони скользят по моему телу, изучают, дразнят. Я выгибаюсь навстречу, теряя последние остатки разума. Хочу его. Так сильно, что это становится манией.

Я вздрагиваю, впиваюсь ногтями ему в плечи, когда его рука скользит между моих ног.

Он криво улыбается.

– Влажная, – говорит он хрипло, с удовлетворением.

Я закрываю глаза от стыда. Но стыд смешивается с жаром, с желанием, с потребностью, которую я никогда раньше не испытывала.

Его пальцы двигаются внутри меня. Медленно, глубоко, сводя с ума.

– Руслан... – стону я. – Пожалуйста...

– Что? – он не останавливается. – Скажи.

– Я хочу... тебя

Он убирает руку, тянется к своим брюкам, расстёгивает ширинку, стягивает их вместе с боксерами.

И я вижу его всего.

У меня перехватывает дыхание.

Он большой. Очень большой. И от этого понимания внутри всё сжимается. Мне и страшно, и хочется.

Руслан нависает надо мной, разводит мои бёдра коленом. Я чувствую его член у самого входа – твёрдый, пульсирующий.

– Смотри на меня, – шепчет он.

Я смотрю.

Он входит.

Медленно. Осторожно. Сначала только головка.

И я замираю.

Потому что это... больно.

Не так, как пишут в книгах или показывают в фильмах. Не приятно-тянуще, а резко, режуще, будто меня разрывают изнутри.

Я морщусь. Закусываю губу, чтобы не закричать.

Дышу через нос. Пытаюсь расслабиться, но тело не слушается.

Руслан замирает. Смотрит на меня. В его глазах – недоумение.

– Что? – выдыхает он.

– Больно, – шепчу я.

Он не двигается. Секунда. Две.

Я вижу, как в нём происходит борьба. Он медлит. Я чувствую это по тому, как дрожат мышцы на его плечах, как пульсирует член внутри меня.

– Ты не можешь быть девственницей, – говорит он.

Я молчу, кусаю губы.

– Так какого хера ты девственница? – он впивается в меня взглядом.

Я открываю рот. Закрываю. Ни одного звука. Паралич.

Он ждёт. Не двигается. Просто смотрит.

– Так может, ты поведаешь мне эту тайну? – в голосе появляются ледяные нотки.

Я сглатываю. В горле ком, который невозможно проглотить.

– Я... – голос срывается. – Я Аня.

Тишина.

Он делает вдох, выдох и выходит из меня.

Резко, быстро, будто обжёгся, отшатывается, встаёт с кровати.

Стоит посреди комнаты абсолютно голый, и я вижу, как играют мышцы на его спине, как напряжён каждый сантиметр тела.

Он проводит двумя руками по волосам, взъерошивая их. Смотрит в окно, резко оборачивается.

– Ну и на хрена ты это сделала? – голос низкий, злой.

Я сажусь на кровати. Пытаюсь прикрыться покрывалом, но руки трясутся так, что ничего не получается.

– Яна сбежала, – говорю я. – Со свадьбы. Утром.

Он смотрит молча. Ждёт.

– Отец... он попросил меня заменить. Сказал, что не отменит свадьбу. Что я должна.

– И ты согласилась? – он смотрит на меня так, будто я инопланетянка. – Ты просто взяла и согласилась выйти замуж за чужого мужика?

Я скидываю голову. Внутри закипает злость.

– Он пригрозил мне! – повышаю голос. – Сказал, что если не подменю сестру, то могу забыть о карьере.

– Охуеть, – выдыхает наконец. – Вы совсем ненормальные. Вся ваша семейка.

Я вижу, как пульсирует вена на его шее. Как сжимаются кулаки. Он едва сдерживается, чтобы не разнести здесь всё.

– Вот только не надо винить меня, – говорю я тише. – Это твоя любимая Яна сбежала. Влюбилась в другого и сбежала.

Он вздрагивает, будто от пощёчины.

– Не смей, – рычит он. – Не смей так говорить.

– А как мне говорить? – я повышаю голос. – Ты хотел правду, я её и говорю. Она бросила тебя в день свадьбы. И у неё другой.

Руслан молчит, видимо, переваривает информацию.

Я кутаюсь в покрывало плотнее. Взгляд скользит по нему и замирает.

Он так и стоит полностью раздетый и всё ещё возбуждён. Всё ещё твёрдый.

И почему-то это кажется мне красивым.

Я краснею до корней волос и отворачиваюсь

– Аня, – говорит он. Жёстко. – Ты вообще понимаешь, что наделала?

Я поднимаю на него взгляд.

– Понимаю, – киваю я.

– Твою мать, – говорит он тихо. – Твою же мать, Аня.

И отворачивается к окну.

Глава 11

Стою в ванной и смотрю в окно.

В груди адская смесь. Злость, раздражение, недоумение и ещё хрен знает что. На Аню злюсь. На Яну. На её отца-генерала, который решил, что может распоряжаться чужими жизнями как пешками на доске.

Но больше всего – на себя.

Потому что я должен был понять. Сразу. В ЗАГСе, когда она смотрела в пол и дышала так, будто сейчас в обморок упадёт. В лимузине, когда дёргалась от моих прикосновений. В самолёте, когда сбегала в туалет и притворялась спящей.

Всё говорило о том, что это не Яна. А я предпочёл закрыть глаза. Нашёл оправдания: нервы, усталость, стресс.

Потому что не хотел видеть правду.

Потому что эта правда всё бы разрушила.

Я провожу рукой по лицу. Щетина колет ладонь. Надо бы побриться, но сейчас не до этого.

И тут же – вторая волна. Ещё хуже первой.

Потому что, несмотря на всю эту херню то, что она не Яна и то, что она мне врала весь грёбаный день, – я всё ещё хочу её.

Стою здесь, голый, с членом, который даже не думает падать, и хочу вернуться туда, на кровать, разложить её и трахнуть как следует.

Она со своей скромностью, этими испуганными глазами, тем, как дрожала под моими руками, – раздражала меня похлеще любой опытной штучки. Я давно так никого не хотел. Чтобы аж зубы сводило.

Но нельзя, твержу себе.

Я ведь не животное.

И вообще, почему она сейчас так выглядит? Куда исчезла её худоба и эта мальчишеская неуклюжесть. Теперь она соблазнительная с идеальными формами девушка. И ещё блядь, девственница. И вот это меня беспокоит больше всего. Смотрю на член, крови вроде нет, надеюсь, не сорвал так бережно хранимую девственность. Девственница! Я уже и забыл что такие девочки бывают. Тем более в 24 года.

Ладно, хватит. Надо успокоиться. Надо думать.

Что дальше?

Вернуться. Наверное, это самый правильный вариант. Сдать билеты, вернуться домой и послать всех к чёрту. И Яну, и её папашу, и всю эту семейку с их тайнами и подменами.

Я смотрю на часы. Ночь. В аэропорт сейчас смысла нет, утром позвоню. Надо узнать, как можно поменять билеты или сдать.

Телефон в кармане брюк. Брюки остались на полу у кровати.

Я выхожу в комнату.

Аня сидит на кровати, закутанная в покрывало. Смотрит на меня. Глаза огромные, влажные. На шее – мой засос. Губы припухшие.

Я отвожу взгляд, потому, что всё опять напрягается. Это похоже на замкнутый круг, чтобы решить проблему, мне надо с ней поговорить, смотрю на неё и хочу её снова.

Подхожу к куче одежды на полу, нахожу боксеры. Надеваю, следом брюки, чувствую на себе её взгляд.

Аня молчит, и я молчу. Надо бы что-то сказать, но я сейчас кроме матов вряд ли смогу выдать что-то разумное.

В комнате тихо, только море шумит за окном.

– Не понимаю, на что надеялся твой отец, – говорю я не оборачиваясь. Застёгиваю ширинку, поправляю ремень. – Неужели вы думали, что это так и останется тайной?

– Нет, – почти шёпотом. – Отец хотел вечером тебе всё рассказать.

Я резко оборачиваюсь.

– Что?

– Вечером, – повторяет она. – После свадьбы. Он планировал поговорить с тобой. Объяснить ситуацию.

Я смотрю на неё и чувствую, как внутри закипает новая волна злости.

– А раньше нельзя было? – голос срывается на рык. – До того, как я надел тебе кольцо на палец? До того, как мы улетели в другую страну? До того, как я... – я замолкаю, сжимаю челюсть.

Она смотрит на меня.

– Ты бы согласился жениться на мне, если бы знал, что Яна сбежала? – спрашивает она тихо.

Я замираю.

– Что?

– Ты бы согласился? – повторяет она. – Если бы отец позвонил тебе утром и сказал: «Яна сбежала, но у меня есть вторая дочь, выходи за неё»? Ты бы согласился?

Я молчу. Потому что ответ очевиден.

– Вот видишь, – усмехается она горько. – Поэтому он и не говорил.

– Твою мать, – выдыхаю я.

Отворачиваюсь к окну. Снова смотрю на море. Чёрное, бесконечное, равнодушное.

– Какого хуя она вообще решила сбежать? – спрашиваю в пустоту. – Всё же было нормально. Мы общались, встречались, готовились к свадьбе. Она говорила, что любит. Что хочет быть со мной.

– Я не знаю, – голос Ани звучит устало. – Единственное, что она оставила – это записка. Мама утром нашла.

– И что в этой записке?

– Что она не готова выходить замуж за тебя и любит другого. Всё.

Я сжимаю кулаки.

– Я просто поражаюсь логике твоих родителей, – говорю я сквозь зубы. – Подменить невесту. Врать всем вокруг. Думать, что это сойдёт с рук.

– Ну, я тоже, знаешь, не в восторге, – в её голосе проскальзывают злые нотки.

Я оборачиваюсь.

Она сидит на кровати, всё так же закутанная в покрывало. Но взгляд у неё уже не испуганный, а злой. Гордый.

– Думаешь, мне в кайф было? – продолжает она. – Притворяться целый день? Бояться, что ты меня раскусишь? Тратить последние нервы, чтобы ты не понял, что я – не она? А потом ещё и это... – она кивает на кровать. – Я вообще не планировала сегодня лишаться девственности, знаешь ли.

Я криво усмехаюсь.

– Я тоже не планировал сегодня, что у меня девственница в постели окажется.

Она краснеет, отводит взгляд.

– Просто никто не думал, что у вас в планах с Яной сбежать после свадьбы на острова.

– Яна тоже не знала. Я сюрприз хотел ей устроить. Она давно говорила, что хочет медовый месяц на море.

Мы молчим. Каждый переваривает своё.

– Ладно, – говорю я наконец. – Утром позвоню в аэропорт. Узнаю про билеты. Вернёмся домой и... разведёмся.

– Хорошо, – кивает она.

Я смотрю на неё. На её плечо, которое выглядывает из-под покрывала. Там, где я целовал, на шею с засосом, на растрёпанные волосы, и снова гашу в себе желание подойти и продолжить начатое.

Блядь, как же всё сложно.

Глава 12

(Аня)

Руслан молчит и снова смотрит в окно. Я сижу на кровати, закутанная в покрывало, и не знаю, куда деваться. В комнате тихо, только море шумит за окном, и этот шум почему-то не успокаивает, а наоборот – давит. Где-то внизу, под нашим этажом, слышна приглушённая музыка – доносится из бара у бассейна. Кто-то смеётся, кто-то живёт своей обычной жизнью, а у нас здесь – полный кавардак.

– Ложись спать, – говорит Руслан, не оборачиваясь, берёт подушку с кровати, покрывало с кровати и идёт к небольшому диванчику у стены.

Диванчик явно не рассчитан на человека его габаритов: узкий, короткий, декоративный.

Я смотрю, как он устраивается. Руслан садится, потом ложится, подгибает ноги, пытается вытянуться – ничего не получается. Ноги свисают с подлокотника, широкие плечи не помещаются, голова упирается в противоположный подлокотник. Он похож на большого зверя, которого запихнули в слишком маленькую клетку.

Он вздыхает. Ворочается. Снова вздыхает.

Диван жалобно скрипит при каждом движении.

Я отворачиваюсь к стене, натягиваю покрывало до подбородка. Оно пахнет лавандой и свежесть. Закрываю глаза.

В комнате темно. Кондиционер шумит почти бесшумно. Только лунный свет из окна пробивается сквозь неплотно задёрнутые шторы, да блики от воды играют на потолке – там, где море ещё видно. Тени от пальм за окном колышутся, танцуют на стенах.

Я лежу и слушаю, как он ворочается. Диван скрипит при каждом движении – навязчиво, раздражающе. Руслан матерится тихо, сквозь зубы. Я различаю отдельные нецензурные слова злые, сказанные в пустоту.

Минута. Две. Пять.

Он не спит. Ему неудобно.

Я сжимаю губы. Подо мной огромная кровать королевского размера с белоснежным бельём, на котором ещё остались следы нашего... того, что было. Простыня сбилась, подушки разбросаны. Я лежу на краю, занимая минимум места, а вокруг пустота.

Это неправильно. Он не заслужил спать на этом дурацком диванчике. Да, я злюсь на него. Да, мне обидно и больно. Но он-то в чём виноват? Он тоже жертва обстоятельств. Только думал, что женится на любимой женщине, а получил... меня. Идиотку, которая ввязалась в эту авантюру и теперь не знает, как из неё выпутаться.

– Руслан, – шепчу я в темноту.

Тишина. Только дождь начинается, первые капли ударяют в стекло.

Потом шорох – он приподнимается на диване.

– Что?

– Кровать большая, – говорю я. – Ложись на край.

Пауза. Длинная, тягучая.

– Нет, спасибо, я тут.

И снова скрип дивана, он опять ворочается, пытаюсь найти положение, в котором можно уснуть.

Я закусываю губу до боли.

Зачем я вообще его позвала? Он теперь невесть что про меня подумает. Решит, что я... не знаю... набиваюсь. Или что мне мало того, что уже случилось. Или что я из тех девиц, которые готовы на всё, лишь бы мужик рядом был.

А я просто хотела проявить доброту. Просто увидела, что человеку неудобно, и предложила, но он отказался.

Значит, не хочет лежать рядом со мной. Значит, я ему противна. После того как он узнал, что я не Яна, что я сестра, которая врала ему весь день, я стала ему противна.

Закрываю глаза. В носу щиплет от обиды. Ещё слёз мне сейчас не хватало.

За окном дождь усиливается. Луна исчезает совсем, тучи наползают на небо плотной серой массой. И через минуту начинается настоящий ливень.

Сначала редкие капли, потом чаще, гуще. Они бьют в стекло, барабанят по подоконнику, стекают по стеклу мутными дорожками. Шумно, ритмично, под стать моему настроению.

Я шмыгаю носом. Тихо, стараясь, чтобы он не услышал.

– Плачешь, что ли? – голос Руслана раздаётся из темноты.

Я замираю. Не отвечаю. Может, он подумает, что показалось?

– Аня, – зовёт он громче.

– Нет, – бурчу я в подушку. Голос глухой, сдавленный.

– Для раскаяния поздновато, – говорит он. Вроде без злости.

– Да иди ты, – вырывается у меня.

Отворачиваюсь к стене, сворачиваюсь калачиком, зарываюсь лицом в подушку. Плечи вздрагивают, хотя я изо всех сил сдерживаюсь. Слёзы всё равно текут, впитываются в наволочку.

Дождь барабанит по стеклу.

И вдруг я чувствую на талии мужскую руку.

Я замираю. Даже дышать перестаю.

Руслан садится на край кровати. Я чувствую, как продавливается матрас под его весом. Тени на стене меняются теперь там его огромный силуэт, нависающий.

Его рука гладит меня по спине – неуклюже, немного неловко, будто он не знает, как это делается. Тяжёлая ладонь скользит по покрывалу, по моей спине, по лопаткам. Круг за кругом.

– Да ладно тебе, – говорит он тихо. Голос низкий, хриплый, почти ласковый. – Не плачь. Если ты из-за меня...

– Не из-за тебя, – ворчу я в подушку. – И не надо меня утешать.

Я отдёргиваю плечо, отодвигаюсь от его руки. Двигаюсь резко, зло. На самый край кровати.

Он убирает ладонь.

Я думаю, что он ушёл. Что вернулся на свой дурацкий диван и теперь будет там мучиться дальше под скрип пружин и шум дождя.

Но через минуту снова слышу его голос. Теперь он стоит прямо надо мной, я чувствую его присутствие.

– Ты перестанешь плакать или нет? – спрашивает он. – Я так уснуть не смогу.

Я переворачиваюсь на спину. Смотрю на него снизу вверх. В темноте почти не видно лица, только его силуэт широкоплечий, высокий. Дождь за окном подсвечивает его сзади – мокрое стекло, блики от фонарей внизу.

– Неужели офицер не может уснуть из-за какого-то шума? – говорю я с вызовом. – Я думала, военные непривередливые. Засыпают там, где упали.

Руслан усмехается. Коротко, хрипло. Я почти вижу, как дёргается уголок его губ.

– Ну, я очень чувствительный военный, – говорит он. – И нервный. Не могу спать, когда рядом кто-то плачет. Уж простите.

Я смотрю на него. В темноте не видно лица, но почему-то кажется, что он улыбается. Криво, как обычно.

– Дурак, – говорю я тихо.

– Ага, – соглашается он. – Подвинься.

– Зачем?

– Лягу. Ты же сама звала.

Я медлю секунду, потом показываю рукой на другой край кровати.

– Там полно места.

– А я не люблю спать слева.

Мне приходится пододвинуться. Он садится на самый край. Снимает брюки и ложится.

Мы лежим молча. Между нами расстояние – можно ещё двоих положить. Простыня между нами холодная, гладкая.

Дождь стучит по стеклу. Море шумит где-то вдалеке. Где-то внизу, в баре, затихла музыка – видимо, закрываются. Стало совсем тихо.

Я слышу его дыхание. Ровное, глубокое. И своё – всё ещё сбитое от слёз. Опять шмыгаю носом.

– Спи уже, – говорит Руслан.

Я закрываю глаза.

– Я вот одного не могу понять, почему вы с Яней раньше не были похожи, а сейчас словно одно лицо? – прилетает из темноты вопрос от него.

Глава 13

Я молчу. Смотрю в темноту перед собой.

– Мы близнецы, – говорю, наконец. – Одняйцевые. Просто... я всегда была в тени. Носила мешковатую одежду, стриглась коротко, не красилась. А Яна... она всегда была яркой. Ухоженной и заметной. Парни замечали всегда её, а не меня. Я не умею быть лёгкой. Сразу в лоб всю правду говорю. И флиртовать не умею.

– А сейчас что изменилось?

– Ничего, – пожимаю плечами в темноте. – Просто надела... платье, сделала причёску и макияж. Визажисты постарались. Сделали из меня копию Яны.

Руслан молчит. Переваривает.

– А фигура? – спрашивает вдруг. – У тебя же на фотках грудь была меньше. И бёдра... Я краснею в темноте. Спасибо, что не видно.

– Мы одинаковые, – говорю тихо. – Просто я всегда сутулилась и носила бесформенное. А сегодня... расправила плечи.

Пауза. Длинная, тягучая.

– Пиздец, – выдыхает Руслан.

– Да ты не переживай так. Для близнецов это нормально друг друга подменять. Мы в детстве часто так маму разыгрывали.

Я молчу. Смотрю в потолок, где всё ещё танцуют тени от пальм за окном. Дождь барабанит по стеклу, но уже не так яростно, стихает понемногу.

– Я просто в ахуе, если честно, что нас с тобой даже не познакомили. О таких вещах ведь надо говорить заранее.

– А родителям всегда было не до меня... – я пожимаю плечами, хоть он и не видит. – Они Яну боготворили. Любимая дочь, которая умеет где надо ласковое слово сказать. И папу задобрить.

Руслан молчит. Долго. Я слышу, как он дышит – тяжело, с хрипотцой.

– А ты? – спрашивает вдруг.

– Что я?

– Ты вообще хотела замуж? Ну, в принципе. Не за меня конкретно, а просто...

Я задумываюсь. Странный вопрос. Особенно после всего, что случилось.

– Не знаю, – отвечаю честно. – Я об этом не думала. У меня работа, проект, команда. Я как-то... не до того было.

– А парень у тебя был?

– Нет.

– Совсем?

– Совсем.

Он снова замолкает. А потом вдруг усмехается – тихо, будто сам себе.

– Двадцать четыре года, красивая, умная – и ни одного парня. Как так?

Я краснею. Не привыкла вот так в темноте душу раскрывать.

– Я же говорю: работа. И потом... – запинаюсь. – Ко мне никто не подходил. Я всё время в джинсах и футболках, за компьютером. Меня не замечали.

– Дураки, – говорит Руслан просто.

У меня сердце пропускает удар.

– Что?

– Дураки, – повторяет он. – Те, кто не замечали.

– А если бы я тебе встретила вот так: в джинсах, футболке, с ноутбуком в рюкзаке – ты бы обратил на меня внимание?

Молчание. Такое долгое, что я уже жалею, что спросила.

– Не знаю, – говорит он наконец. – А это важно?

– Не знаю, – эхом отзываюсь я.

И всё равно в груди разливается тёплое чувство, и я пытаюсь затолкать это чувство поглубже. Не время сейчас предаваться мечтам, тем более мечтам о Руслане.

– А ты? – вырывается у меня.

– Что я?

– Ты... зачем на Яне жениться хотел?

Пауза. Длинная, тягучая.

– Любил, наверное, – говорит он наконец. – Думал, что любил.

– А теперь?

– А теперь не знаю, – в его голосе слышна усталость. Эта подмена, ты...

Он замолкает.

– Я, – повторяю тихо. – Я – это проблема.

– Я не то хотел сказать.

– А что?

Он не отвечает.

Мы лежим в темноте, слушая дождь. Я чувствую его дыхание, его тепло через разделяющее нас пространство. И почему-то хочется, чтобы он придвинулся ближе.

Глупая.

И отворачиваюсь к стене, давая понять, что разговор окончен.

Дождь стучит по стеклу. Где-то вдалеке гремит гром. А я лежу и думаю, что завтра всё это кончится. Мы вернёмся домой, разведёмся, и больше никогда не увидимся. С этими мыслями и засыпаю.

Сон приходит странный, рванный. Мне снится, что я плыву в море, а волны всё выше, выше, они накрывают меня с головой, я задыхаюсь, пытаюсь вынырнуть, но не могу. Вода противная и солёная. Она заливает рот, нос, глаза.

Я просыпаюсь оттого, что не могу дышать.

В комнате влажно. Очень влажно. Воздух тяжёлый, как в бане. И шум – не просто дождь, а что-то другое. Рёв, грохот, свист.

Я открываю глаза и не понимаю, что происходит.

Шторы раздуваются, как паруса. В комнату летят брызги воды холодные, хлёсткие. Ветер воет так, что закладывает уши.

Я сажусь на кровати и смотрю на разбитое окно, всё ещё не понимая, что происходит.

Огромная пальмовая ветвь пробила стекло. Осколки блестят на полу в лунном свете – луна снова вышла, или это не луна, а какие-то аварийные огни? Ветка торчит из окна, как копьё, и ветер рвёт листву, загоняет в комнату потоки воды.

– Аня!

Голос Руслана перекрывает шум шторма. Я не успеваю ничего сообразить, как он уже оказывается рядом. Схватил меня, прижимает к себе, накрывает своим телом. Над нами проносится ещё одна ветка ещё больше, чем первая.

– Не двигайся, – рычит он мне в ухо.

Я чувствую, как по его спине хлещет вода, как ветер рвёт простыню, которой он пытается меня укутать. Он огромный, горячий, заслоняет меня собой от всего этого кошмара.

– Руслан... – хриплю я.

– Молчи.

Он оглядывается. В комнате – хаос. Вода заливает пол, шторы треплются, как бешеные, ветер срывает с тумбочек всё, что плохо лежит. Диван, на котором он пытался спать, уже мокрый насквозь.

– Надо уходить, – говорит он. – Держись за меня.

Он кутает меня в простыню, прямо так, как есть, в том, в чём я спала. Подхватывает на руки. Я обхватываю его шею руками, прижимаюсь к груди.

Он идёт к двери, перешагивая через осколки, через воду, через ветки, которые уже нанесло ветром. Я смотрю на его лицо – сосредоточенное, жёсткое, спокойное. Как у человека, который привык к экстремальным ситуациям.

Дверь распаивается с трудом, ветер давит с другой стороны. В коридоре – хаос.

Люди бегут в пижамах, в халатах, кто-то с детьми, кто-то с чемоданами. Персонал отеля мечется, пытается всех успокоить. Свет мигает, где-то воеет сигнализация.

– Штормовое предупреждение! – кричит кто-то из гостей. – Ураган! Всех эвакуируют в подземный этаж!

Глава 14

(Руслан)

Я стою в коридоре с Аней на руках и мгновенно оцениваю обстановку.

Хаос. Люди мечутся в разные стороны. Кто-то орёт, кто-то плачет. Свет моргает, сигнализация воеет. Персонал в панике, гости в истерике. Никто не знает, что делать. Женщина в халате прижимает к себе ребёнка и бестолково тычется в закрытые двери. Мужчина в трусах пытается кому-то дозвониться по мокрому телефону. Бесполезно. В таких условиях мобильная связьдохнет первой.

Я знаю это не понаслышке.

У меня за плечами годы службы. Учения, боевые выезды, ЧП разного масштаба. Паника – первый враг. Второй – бездействие. Третий – надежда на кого-то другого.

– Аня, – говорю я жёстко, командирским голосом, который выбивает дурь из самых трусливых солдат. – Слушай меня внимательно.

Она смотрит на меня. Глаза огромные, испуганные, зрачки расширены так, что радужки почти не видно. Она дрожит мелкой дрожью. Но в глазах уже появляется осмысленность. Хорошая девочка. Соображает быстро.

– Ты сейчас спустишься вниз вместе со всеми. Держись ближе к стенам, подальше от окон. В подземном этаже будет безопасно. Найди угол, сядь и не двигайся, пока я не приду. Поняла?

– А ты? – она вцепляется в мою шею с такой силой, будто я последний спасательный круг.

– Мне нужно кое-что сделать. Я быстро.

– Нет! – она трясёт головой так, что мокрые волосы хлещут по лицу. – Без тебя не пойду!

Я смотрю на неё. В её глазах страх за меня. Это так неожиданно, что на секунду я теряюсь. За меня давно никто не боялся. Я сам за всех бояться привык.

– Аня, со мной всё хорошо будет. Я военный.

– Ты голый! – выпаливает она.

Я смотрю на себя. Брюки мокрые насквозь, тяжёлые, липнут к ногам. Торс голый, вода течёт по груди, по животу. Да уж, видок тот ещё. Командир спецподразделения в трусах посреди урагана.

– Не в первый раз, – усмехаюсь я. – Бывало и хуже.

Опускаю её на пол, придерживаю за плечи, чтобы не упала на скользком мраморе. Простыня на ней – единственное, что прикрывает. Она сползла с одного плеча, открывая ключицу с моим засосом. Надо найти одежду, но сначала – безопасность.

– Слушай команду, – говорю я. – Видишь тех двух парней в форме? – киваю на охранников отеля, которые пытаются создать хоть какое-то подобие порядка и строят людей в колонну, но у них ни хрена не выходит. – Держись рядом с ними, если что. Но лучше – найди угол и жди меня. Я вернусь.

– Руслан...

– Я сказал – жди.

Она кусает губу, но кивает. Губа дрожит, но взгляд уже твёрже. Молодец.

Я разворачиваюсь и бегу обратно в номер.

Внутри – полный пиздец. Ветка пальмы всё ещё торчит, с рваными листьями. Ветер продолжает загонять воду – теперь её уже по щиколотку. Осколки хрустят под ногами. Шторы треплются как бешеные, одна уже сорвалась и хлопает по стене мокрой тряпкой.

Я пробираюсь к шкафу, хватаю наши вещи – чемодан Ани, свою сумку. Накидываю рубашку прямо на мокрое тело – ткань мгновенно намокает, липнет к коже. Натягиваю

ботинки, даже не завязывая шнурки. Хватаю покрывало с кровати – пригодится, чтобы укутать Аню.

Возвращаюсь в коридор.

Аня стоит там же, где я её оставил. Жмётся к стене, сжимает простыню на груди побелевшими пальцами. Волосы прилипли к лицу, губы синие. Увидела меня – выдохнула. Всем телом выдохнула, будто воздух из лопнувшего шара.

Подхожу, накидываю на неё покрывало поверх простыни. Закутываю как ребёнка, пряча от холода и чужих глаз.

– Пошли.

Беру её за руку. Крепко, чтобы не потерялась. Пальцы у неё ледяные, она судорожно сжимает мою ладонь в ответ.

Мы спускаемся по лестнице вместе с толпой. Люди напирают, кто-то толкается, кто-то орёт на детей. Женщина с ребёнком упала – я подхватываю её одной рукой, ставлю на ноги, подталкиваю вперёд. Аню не отпускаю.

Прикрываю её собой, прокладываю путь локтями, плечами, голосом.

– Женщины вперёд! – рявкаю на какого-то мужика, который лезет без очереди, расталкивая женщин. – Назад!

Мужик отшатывается, натывается взглядом на моё лицо и мгновенно сдыхает. В армии таких учат быстро.

Аня смотрит на меня с удивлением.

– Что не так?

Она пожимает плечами.

На первом этаже нас встречают перепуганные сотрудники. Машут руками, направляют в подвал. Там уже полно народу – сидят на полу, на стульях, на корточках, кто на чём. Пахнет сыростью и страхом. Где-то плачет ребёнок, кто-то молится вслух.

Я нахожу свободный угол у стены, подальше от входа и поближе к вентиляции. Через пару часов здесь будет душно, поэтому здесь самое лучшее место. Усаживаю Аню, прижимаю к себе. Она мелко дрожит, зуб на зуб не попадает.

– Так, – говорю. – Сидим тихо, ждём. Ураганы долго не длятся. Час-два, и всё стихнет.

– Ты правда думаешь, что всё будет хорошо? – шепчет она.

– Правда.

Она смотрит на меня. В полумраке подвального освещения её глаза кажутся огромными. В них плещется страх и растерянность и к моему удивлению – доверие. Чёрт его знает почему. А я вопреки всем законам человечности, вместо мыслей о том, как спастись, думаю о том, как она ко мне прижимается. И какая у неё тугая грудь.

– Спасибо, – говорит тихо. – Что вернулся.

Я усмехаюсь. Провожу ладонью по её мокрым волосам, убираю с лица прилипшие пряди.

– Глупая. Ты же моя жена. Куда ж я без тебя?

Она замирает. Смотрит на меня так, будто я сказал что-то невероятное. Потом смущается и краснеет, это видно даже в этом полумраке. И утыкается носом мне в плечо, прячет лицо.

Я обнимаю её крепче, накрываю покрывалом, укутываю со всех сторон. Прижимаю к себе – согреваю, как могу. Сердце у неё колотится быстро-быстро, как у птички. Но постепенно замедляется, успокаивается.

Смотрю на мечущихся людей. Кто-то продолжает паниковать, кто-то тупо сидит в ступоре, кто-то пытается молиться.

Военная привычка – даже в аду искать выход. Просчитывать варианты, риски, пути отхода. Я уже прикинул, где запасной выход, где аварийное освещение, где расположены несущие стены, под которыми безопасно.

Но сейчас, когда она рядом, когда прижимается ко мне, доверяет, я понимаю, что самое главное, чтобы она была в безопасности.

Всё остальное – решаемо.

Глава 15

(Аня)

Я просыпаюсь оттого, что мне тепло.

Это первое, что осознаёт мой затуманенный сном мозг. Тепло и уютно. Я не помню, когда в последний раз так хорошо спала. Обычно я ворочаюсь, подушка сбивается, одеяло сползает, мысли лезут в голову и не дают покоя. А сейчас – будто в коконе. Мягко, надёжно, чьё-то тепло окутывает меня со всех сторон, и уходить из этого состояния совершенно не хочется.

Я тянусь, сладко потягиваюсь, разминая затёкшие мышцы. Где-то на периферии сознания мелькает мысль, что спала я явно не в своей постели, но просыпаться от этого факта совсем не хочется. Слишком хорошо.

Нога упирается во что-то твёрдое. Я машинально нажимаю коленом, пытаюсь отодвинуть преграду. Не отодвигается. Я трусь коленом туда-сюда, ищу удобное положение и вдруг слышу над ухом:

– Аня.

Голос хриплый, низкий и какой-то странно напряжённый. Сдавленный, будто через силу.

Я открываю глаза.

И замираю.

Прямо надо мной – лицо Руслана. Он смотрит на меня хмуро, исподлобья. Взгляд тяжёлый, с голодным блеском. Челюсть сжата, на скуле играет желвак.

Я моргаю раз, другой, пытаюсь сообразить, что происходит.

И тут до меня доходит.

Моё колено упирается ему в пах. И упирается оно не просто так, а в нечто очень твёрдое, внушительное и явно не предназначенное для утренних потягушек.

Я отдёргиваю ногу резко, будто обжёгшись.

– Ой! – вырывается у меня. – Прости! Я нечаянно! Я не хотела!

Щёки вспыхивают мгновенно, жар заливает шею, грудь, уши. Я готова провалиться сквозь землю.

– Да ничего, – голос Руслана звучит сипло, с хрипотцой.

– Я не специально, – лепечу я. – Я спросонья не поняла, где я и что...

– Я понял. Всё нормально.

Нормально. Ага. Конечно.

Рядом кто-то проходит, шаркая тапками по бетонному полу. Я вздрагиваю и только сейчас окончательно осознаю, где мы.

Подвал. Эвакуация. Ураган.

Вокруг на тонких матрасах, на пледах, на куртках и просто на голом полу сидят и лежат люди. Кто-то спит, уткнувшись лицом в чужое плечо. Кто-то тихо переговаривается, обсуждая, когда это закончится. Кто-то тупо смотрит в стену остановившимся взглядом. Пахнет сыростью, воздух спёртый, которым дышали десятки людей всю ночь. Где-то надрывно плачет ребёнок, и мать не может его успокоить.

Я инстинктивно натягиваю плед до подбородка, прячусь от чужих взглядов. И только потом вспоминаю, что на мне платье. Я ночью, перед тем как лечь спать, переоделась в самое простое, что нашла в чемодане Яны (а простых платьев у Яны вообще, как оказалось, нет). Платье чёрное, свободное, с глубоким декольте. На Яне оно, наверное, смотрелось сексуально и вызывающе. На мне – просто вызывающе. Но другого не было.

Я сажусь, поправляя плед, запахиваясь плотнее. Руслан тоже садится рядом. На нём та же рубашка, что и вчера – мятая, кое-как застёгнутая, пуговицы перепутаны. Тёмные волосы

взлохмачены, на щеках пробивается щетина, под глазами тени. Вид у него помятый, усталый, небритый. Но всё равно... красивый. Даже в таком виде. Особенно в таком виде. От него веет какой-то дикой, мужской силой, которая никуда не делась даже после бессонной ночи на бетонном полу.

– Что-нибудь известно про погоду? – спрашиваю я, чтобы нарушить неловкое молчание. Голос звучит хрипло со сна.

Руслан проводит рукой по лицу, трёт переносицу.

– Дождь ещё идёт. Связи нет. Аэропорты закрыты.

Я резко поворачиваюсь к нему:

– Как закрыты? Совсем?

– Совсем, – подтверждает он.

– И что нам теперь делать? Жить здесь? На полу?

– Другого выхода нет, пока не утихнет шторм, – Руслан пожимает плечами.

Я хочу ещё что-то сказать, возмутиться, спросить, как долго, но вдруг замечаю, что взгляд Руслана опустился ниже. и застыл на уровне моей груди.

Я опускаю глаза.

Плед сполз. Когда я садилась, ткань съехала и платье... это чёртовое платье с глубоким декольте... оно тоже сползло. Моя правая грудь практически полностью на свободе – бледная, с тугим соском, который затвердел от утренней прохлады. Или от чего-то другого.

Руслан медленно протягивает руку. Я заворожённо смотрю, как его пальцы приближаются к моей груди. Крупные, с тёмными волосками на костяшках.

Он касается края ткани.

Тянет её, прикрывая меня.

Его большой палец скользит по моему соску.

Случайно. Наверное. Почти наверняка случайно.

Но меня простреливает током. По позвоночнику пробегает электрическая дрожь, внизу живота разливается знакомое уже тепло. Я вздрагиваю всем телом, и этот вздох, сорвавшийся с губ, слишком громкий в тишине подвала.

– Спасибо, – выдавливаю я сипло.

– Пожалуйста, – отвечает он так же хрипло.

Мы смотрим друг на друга. Между нами – сантиметры. За спиной – десятки людей, но я чувствую только его.

– Миссис Градова? Мистер Градов?

Голос врывается в наш маленький мир, как холодный душ. Я вздрагиваю и отворачиваюсь, щёки полыхают огнём.

Рядом стоит девушка в форме отеля – администратор. Уставшая, с кругами под глазами, волосы выбились из когда-то аккуратной причёски, но она старательно улыбается профессиональной улыбкой.

– Простите, что беспокою. Не могли бы вы пройти со мной? – говорит она с жутким акцентом.

– Зачем? – Руслан мгновенно переключается. Голос становится жёстче, спина выпрямляется, в глазах появляется та самая командирская сталь, которую я уже видела. Режим защиты включён.

– Для вас нашёлся номер, – объясняет девушка. – В другом отеле, который не пострадал. Мы размещаем там семьи с детьми и... – она запинается, переводит взгляд с меня на него и обратно, – молодожёнов. Я видела ваши отметки в регистрации. Вы же вчера поженились?

Мы переглядываемся с Русланом.

– Да, – отвечаю я. – Вчера.

– Тогда идёте за мной.

Глава 16

Мы поднимаемся с матраса, собираем вещи. Руслан берёт чемодан. Я кутаюсь в плед поверх платья и плетусь за ним, чувствуя на себе десятки взглядов.

Администратор ведёт нас через весь подвал к небольшому столику в углу, где сидит ещё одна сотрудница отеля с ноутбуком. Рядом толпятся несколько семей – кто-то с детьми, кто-то с чемоданами, кто-то просто с пакетами.

– Плисасивайтесь, – девушка указывает на пластиковые стулья. – Сейчас вас залегистлируют. Масина плиедет челез полсаса.

– Машина? – переспрашиваю я. – Куда?

– На остлов, – объясняет администратор с сильным акцентом. – Нас отель есть два колпуса. Основной здесь, на мателике, и втолой – на маленьком остлове. Час ехать. Улаган площёл только здесь. Там нет улагана. Остлов не задело. Мы пелевосим туда всех, чьи номела повлеж-дены.

Я смотрю на Руслана. Он кивает, принимая информацию.

– Документы есть? – спрашивает девушка за ноутбуком, поднимая на нас покрасневшие от бессонной ночи глаза.

У меня сердце уходит в пятки.

Документы. Паспорта. Я совершенно забыла о них в этой суматохе. Паспорт Яны остался где-то там – в чемодане или на тумбочке? Я не помню. А мой собственный паспорт вообще дома, в Москве.

Я открываю рот, чтобы признаться, что понятия не имею, где документы, но Руслан опережает меня.

– Да, – спокойно говорит он и лезет в карман своих брюк.

Я смотрю, как он достаёт два паспорта – мой, вернее Яны, и свой. Мои пальцы, когда я беру их в руки, дрожат.

– Ты... когда? – шепчу я.

– Когда за вещами ходил, – отвечает он так же тихо. – В ванной на тумбочке лежали. Я сразу забрал.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри спадает напряжение. Он подумал об этом. Среди всего этого хаоса, среди ветра, воды и осколков, он вспомнил про документы. И я начинаю уважать Руслана на капельку больше.

– Спасибо, – говорю тихо.

Он только пожимает плечами.

Девушка за ноутбуком быстро переписывает данные, выдаёт нам пластиковые карточки-пропуска.

– Ваш новый номер – три. – Она протягивает ключ-карту. – Там всё необходимое есть. Если что-то понадобится – обращайтесь на ресепшен. Он работает круглосуточно.

Мы записываемся в какую-то бумагу, расписываемся и снова ждём.

Полчаса тянутся бесконечно. Я сижу на пластиковом стуле, прижимая к груди плед, и смотрю, как вокруг суетятся люди. Кто-то плачет, кто-то просто сидит с пустыми глазами. Оказаться наедине со стихией – это страшно. Природе не важно сколько у тебя на счету денег. В такие моменты понимаешь, какая ценность быть живым и здоровым.

Руслан рядом – скала. Спокойный, уверенный, надёжный. Иногда наши взгляды встречаются, и я сразу отвожу свой взгляд. Слишком много чувств будит во мне этот мужчина.

– Мистер и миссис Градов? – подходит к нам молодой парень в форме отеля. – Машина готова. Идёмте.

Мы выходим на улицу.

Дождь всё ещё льёт, но уже не так яростно, как ночью. Просто сильный ливень. Небо серое, низкое, тяжёлое. Вокруг – следы разрушений: сорванные крыши, поваленные деревья, перевернутые машины, лужи в человеческий рост.

Наш транспорт – старенький микроавтобус, который каким-то чудом уцелел и остался на ходу. Ржавый, помятый, с заклеенным скотчем окном, но едет. Рядом с ним уже стоят несколько семей – две с детьми, одна пожилая пара.

Мы забираемся внутрь. Здесь тесно и влажно, пахнет бензином. Руслан садится у окна, я рядом. Он сразу кладёт руку на спинку моего сиденья – не обнимает, но я чувствую его руку за спиной. Это мой якорь спокойствия. Не знаю, как бы я себя чувствовала не будь его. Хотя если бы не он, я бы тут не оказалась. Но уже прошлое не изменить.

Микроавтобус трогается.

Дорога ужасная. Ямы, лужи, грязь. Нас трясёт так, что я пару раз подпрыгиваю на сиденье и больно прикусываю язык. Но по мере того как мы отъезжаем от города, дождь слабеет. Сначала перестаёт барабанить по крыше, потом превращается в мелкую морось, а потом и вовсе исчезает.

Небо светлеет.

– Смотри, – Руслан кивает в окно.

Я выглядываю. Тучи рассеиваются, открывая бледно-голубое небо. Где-то вдали даже робко проглядывает солнце.

Мы подъезжаем к причалу.

Море... оно беспокойное. Волны высокие, тёмные, с белыми барашками на гребнях. Ветер треплет волосы, бросает в лицо солёные брызги. У причала покачивается яхта – не очень большая, белая, но выглядит надёжно.

– Садимся, – командует кто-то из персонала. – Осторожно, скользко.

Я смотрю на эту яхту, на эти волны, и внутри всё сжимается от страха. Я не очень хорошо плаваю. А море... оно огромное, тёмное, пугающее.

Руслан берёт меня за руку.

– Идём, – говорит просто. – Я рядом.

Я сжимаю его пальцы и делаю шаг на трап.

Яхта покачивается, у меня подкашиваются колени. Руслан поддерживает за талию, помогает забраться на борт. Мы садимся на скамью у борта. Я вцепляюсь в его руку и не отпускаю.

Яхта отчаливает.

И начинается ад.

Волны подбрасывают судно, оно взлетает вверх и с грохотом падает вниз. Меня мутит почти сразу. Желудок подпрыгивает вместе с яхтой, к горлу подкатывает тошнота. Я зажимаюсь, пытаюсь дышать глубоко, но ничего не помогает.

– Аня, – Руслан поворачивается ко мне. – Ты как?

– Плохо, – выдавливаю я сквозь зубы. – Очень плохо.

Он притягивает меня ближе, обнимает за талию, прижимает к себе. Я вцепляюсь в его рубашку обеими руками и зарываюсь лицом ему в грудь.

– Дыши, – говорит он. – Глубоко. Не смотри на воду.

Я дышу. Вдыхаю его запах – мужской, терпкий, родной уже. И понемногу отпускает. Не до конца, но уже не так остро.

– Сейчас приедем, – шепчет он мне в макушку. – Осталось немного.

Я киваю, не отрываясь от него.

Наконец, яхта замедляется. Я поднимаю голову и вижу остров.

Он маленький, зелёный, с пальмами и белым песком. Я почему-то представляла себе такой же отель, в каком мы и были, ну, может, чуть-чуть поменьше. А перед нами вдоль берега – белые домики на сваях, с крышами из листьев пальм.

– Приехали, – выдыхаю я.

Мы спускаемся с яхты. Руслан поддерживает меня под локоть, помогает спуститься, потому что спрыгивать приходится прям в воду.

Деревянные дорожки, цветы в горшках, гамаки между пальмами. Простенько и уютно. И главное – сухо и тихо. Это, конечно, радует.

Нас встречает улыбчивая девушка, проверяет пропуски, показывает дорогу к нашему домику.

– Третий, – говорит она, указывая на крайний домик у самой воды. – Там всё готово. Если что-то понадобится – звоните.

Мы заходим внутрь.

Маленькая гостиная с диваном и телевизором, спальня с огромной кроватью, застеленной белоснежным бельём, открытая веранда с видом на море. Чисто, свежо, пахнет деревом и морем.

– Жить можно, – выдыхаю я.

Скидываю с себя плед и понимаю, что больше всего на свете хочу в душ. Смыть с себя эту ночь, этот липкий страх и запах подвала.

– Я в душ, – бросаю Руслану и скрываюсь за дверью ванной.

Глава 17

(Руслан)

Я смотрю, как Аня скрывается за дверью ванной, и выдыхаю.

Остаюсь один в этой хижине, которая теперь наша временная тюрьма. Или рай – с какой стороны посмотреть. За окном шумит море, пальмы покачиваются на ветру. Идиллия прям. Если бы не одно «но» – я здесь с женщиной, которую хочу до скрежета зубов, но не имею права трогать.

Прохожу в спальню.

Кровать огромная, королевского размера, застеленная белоснежным бельём, с горой подушек в изголовье. Смотрю на неё и думаю о том, что спать мы сегодня будем вдвоём. Как вчера. Мне ночь далась с трудом. Аня спала, а я не мог. Её запах, то, как она прижималась, даже как дышала, всё вызывало во мне реакцию.

Но вчера хотя бы был подвал, тощий матрас на бетонном полу, десятки людей вокруг и полное отсутствие приватности. А сегодня – тишина, уют, огромная кровать и полное уединение.

Член сразу реагирует на эту мысль. Тяжелеет, наливается кровью, упирается в брюки.

– Твою мать, – шепчу я сквозь зубы.

Так и от кровоизлияния можно помереть. Смешно будет. Видел в каком-то фильме, мужик умер со стоячим членом. Вот и я помереть могу так. Всем на радость, если прекращу себя мучать.

У меня есть два варианта, либо доделать дело, то, что начал с Яной, либо съехать в другую хижину. Уверен, с местными договориться можно. Но...Но во-первых, я не хочу, во-вторых, достаточно и во-первых.

Я не Артур, который бы благородно устранился и не Егор, чёртзов зомби.

У меня всегда с контролем была проблема.

Подхожу к окну, распаиваю его шире, выпуская солёный морской воздух. Смотрю на море – здесь оно спокойное, ласковое, бирюзовое, с лёгкой рябью у берега. Ни следа от того ада, который чуть не убил нас прошлой ночью. Контраст такой разительный, будто мы не на соседний остров перебрались, а в другую реальность попали.

Слышу, как в ванной шумит вода. Аня моется. И мозг, предатель, тут же рисует картинку: она стоит под струями, мокрая, с каплями на коже, с этим её узлом волос на затылке, вода стекает по спине, по ягодицам, по длинным ногам...

Я трясую головой, отгоняя видение.

Иду к чемодану, достаю смену одежды – лёгкие штаны, футболку. Надо тоже привести себя в порядок. Сутки уже в этом тряпье, которое сначала вымокло под дождём до нитки, потом высохло на теле, потом снова намокло от пота, пока мы сидели в душном подвале. От меня, наверное, разит как от бомжа.

Я бы с удовольствием зашёл в ванну вместе с Аней, но как придурок жду, пока она выйдет.

Не ломиться же в ванную, когда там моется женщина. Даже если эта женщина – моя жена по документам.

Жена.

Я усмехаюсь этому слову.

Стою у окна, смотрю на пальмы, на белый песок, на бирюзовую воду и думаю о том, как всё перевернулось за эти сутки. Ещё вчера утром я был женихом, готовым связать жизнь с Яной. Красивой, ухоженной, яркой Яной.

А сегодня... со мной её сестра. Хоть и похожа внешне на сестру, но полная её противоположность. А самое странное, что мне нравится, как она краснеет, когда смущается. Как закусывает губу, когда боится. Как доверчиво прижимается, когда ей страшно. Как пахнет её кожа после дождя.

И это бесит. Потому что я не должен ничего к ней чувствовать. Потому что она ошибка. Случайность. Потому что завтра – или послезавтра, когда этот чёртов шторм закончится – мы вернёмся домой и разбежимся в разные стороны. Даже если найдётся Яна, даже если она осознаёт свою ошибку, я уже не смогу быть с ней. Вот такая странная хуета.

Думал, любил, а теперь понимаю, что ни хрена. Может оно и к лучшему, что она сбежала и я очнулся вовремя.

А когда я думаю о том, как она прижималась ко мне на яхте, как цеплялась в рубашку побелевшими пальцами, как доверчиво зарывалась лицом в грудь, ища защиты... внутри всё переворачивается.

Шум воды стихает.

Я напрягаюсь. Замираю, как пёс, услышавший команду «стоять».

Секунда. Две. Три.

Щелчок замка.

Дверь ванной открывается.

Аня стоит на пороге.

В одном полотенце.

Мокрая, покрасневшая после душа, с каплями воды на плечах и ключицах. Волосы тёмными, влажными прядями падают на спину, на грудь, прилипают к коже. Полотенце большое, махровое, но на ней оно сидит так, будто специально создано, чтобы сводить мужчин с ума. Начинается почти под мышками, едва прикрывает грудь и заканчивается где-то посередине бедра. Ноги – длинные, гладкие, с капельками воды, стекающими к щиколоткам. На шее – тёмное пятно. Мой засос, который я оставил вчера, когда ещё думал, что она – Яна.

Она смотрит на меня.

Я смотрю на неё.

В комнате повисает тишина. Чувствую, как гулко стучит моё сердце, как всё внутри замирает. А потом – как член снова наливается кровью, тяжелеет, упирается в брюки. Твёрдый, как камень. Неподвластный контролю.

– Руслан? – тихо спрашивает она. Взгляд вопросительный, наивный, будто она не понимает, что со мной делает. – Ты в порядке?

Я не в порядке. Совсем не в порядке.

– Да, – выдавливаю я. Голос хриплый, чужой. Отворачиваюсь к окну резко, чтобы не видеть её. Чтобы не сорваться. – Иди одевайся.

Слышу её шаги босых ног по полу. Лёгкие, почти неслышные. Шорох чемодана – открывается молния. Шелест ткани – она перебирает вещи.

И мозг, предатель, тут же дорисовывает картинку: она стоит сейчас там, голая под этим полотенцем, склонившись над чемоданом, выбирает, что надеть. Или уже скинула полотенце и стоит перед раскрытым чемоданом совершенно голая, и влажный воздух касается её кожи, и...

– Твою мать, – шепчу я сквозь зубы.

Сжимаю с силой кулаки.

– Что? – доносится её голос.

– Ничего.

– Ты всегда разговариваешь сам с собой? – спрашивает она.

– Нет. Но иногда бывает, – бурчу я.

Через пару минут она выходит из спальни.

На ней снова одно из платьев Яны. Яркое красное, приталенное, опять с огромным вырезом.

Вот они шли Яне, а Ане не идут. Выглядят на ней как на проститутке. Удешевляют её как будто. У неё лицо чистое, без макияжа, с естественным румянцем после душа. Глаза огромные, тёмные, с длинными мокрыми ресницами. Ей бы белое воздушное платье. Белый цвет – цвет чистоты и невинности.

Да, однозначно, надо пройти по магазинам и прикупить ей нарядов.

– Я закончила, – говорит она, чуть смущаясь под моим взглядом. – Иди мойся.

Киваю. Прохожу мимо неё в ванную. Стараюсь не касаться, не смотреть, не дышать слишком глубоко, чтобы не вдыхать её запах – свежий, цветочный, с нотками морской соли.

Закрываю дверь, включаю воду.

Холодную.

Стою под ледяными струями, зажмурившись, и пытаюсь остудить не только тело, но и голову. Смыть с себя эту ночь, это напряжение. Смыть образ Ани в полотенце, ввевшийся под веки.

Вода обжигает холодом, но член не думает падать.

Я упираюсь руками в кафельную стену, опускаю голову и позволяю ледяным струям стегать по спине.

– Остынь, – шепчу я себе. – Остынь, придурок. Она не твоя. И ты ей не нужен. И лучше это не доводить до конца.

Но тело отказывается подчиняться, потому что помнит, как она прижималась ко мне несколько часов назад. Доверчиво. Беззащитно. Как к самому родному человеку.

Я выключаю воду. Стою в душевой кабине, тяжело дыша, и понимаю: с этим надо что-то делать. Потому что две недели в одном домике с ней я просто не выдержу.

А может и правда к чёрту всё?

Толкаю дверь и выхожу как есть, даже про полотенце забываю. Хочу посмотреть её реакцию. По женщине ведь всегда видно, если она хочет.

Глава 18

(Аня)

Когда Руслан скрывается за дверью ванной, я, наконец, выдыхаю и позволяю себе расслабиться. Прислоняюсь спиной к стене, закрываю глаза и просто стою так несколько секунд, восстанавливая дыхание.

Оставшись наедине с собой, я понимаю, как сильно было напряжение между нами, как только остались наедине. Будто недолгое перемирие закончилось, и снова включился режим «держись от меня подальше».

Я открываю глаза и смотрю на себя в зеркало. Красное платье, которое я надела после душа, сидит на мне как-то чужеродно. Слишком яркое, слишком облегающее, слишком... не я.

В который раз мысленно матерю Яну за её любовь к вычурности.

Я провожу рукой по ткани, дёргаю вырез, который, кажется, мне неприлично глубоким. Почему нельзя было взять с собой что-то нормальное? Хотя бы одну футболку, одни шорты? Но нет, у Яны всё либо обтягивающее, либо откровенное, либо сразу и то и другое.

Мне проще в мужском ходить, чем в таком. Это факт. В мешковатых футболках и широких штанах я чувствую себя в своей тарелке. Защищённой. Незаметной.

И пора уже перестать себя обманывать.

Я решительно направляюсь к вещам Руслана. Его сумка стоит у кровати, я замираю на секунду, размышляя, не нарушаю ли я какие-то границы. Но потом думаю: ничего с ним не случится, если одолжу у него шорты и футболку.

Осторожно расстёгиваю молнию. Внутри всё аккуратно сложено – чувствуется военная привычка. Пара футболок, шорты, джинсы, бельё. Я аккуратно, стараясь не нарушить идеальный порядок, достаю первую попавшуюся футболку.

Она серая, мягкая на ощупь, с каким-то неразборчивым принтом. И огромная – мне будет до колена.

Я скидываю ненавистное платье прямо на пол и натягиваю футболку через голову.

И замираю от удовольствия.

Это невероятное ощущение. Ткань пахнет им – мужским запахом, который я уже начала узнавать. Футболка широкая, свободная, она не обтягивает, не давит, не заставляет думать о том, как я выгляжу. Я тону в ней, как в коконе.

Можно даже шорты не надевать. Футболка и так почти до колен.

Я кружусь по комнате, наслаждаясь свободой, подхожу к зеркалу и улыбаюсь своему отражению. Из широкого выреза выглядывает моя ключица с засосом, рукава закрывают локти, подол болтается где-то у колен. Я выгляжу как подросток, который стащил одежду у старшего брата.

И мне это нравится.

Не успеваю я порадоваться своей обновке, как слышу щелчок замка в ванной.

Дверь открывается.

Я замираю с улыбкой на лице, поворачиваю голову – и сердце пропускает удар.

Руслан стоит на пороге.

Мокрый и абсолютно голый.

Вода стекает по его телу – по широким плечам, по мощной груди, по тёмной дорожке волос, которая тянется от пупка вниз и исчезает там, где... Я заставляю себя смотреть выше, но взгляд предательски скользит обратно. Он даже не пытается прикрыться. Стоит и смотрит на меня.

Выглядит он немного зловеще. Будто хищник вышел на охоту. Влажные волосы взлохмачены, на лице ни тени смущения, только тяжёлый взгляд, который впивается в меня, раздевает.

Я чувствую, как под этим взглядом моя новая футболка становится прозрачной.

– П-полотенце надо? – выдавливаю я, отчаянно пытаюсь смотреть ему в лицо.

Руслан молчит, а у меня уже подкашиваются ноги.

Он делает шаг ко мне.

Я отступаю.

– Руслан? – мой голос звучит по смешному тонко. И я бы наверно рассмеялась сейчас, если бы не была так испугана.

Ещё шаг. Он приближается медленно, как хищник, который знает: добыче не уйти. Влажные ступни оставляют следы на деревянном полу. Капли воды поблёскивают на коже.

Я пачусь. Спина упирается в дверной косяк.

– Ты чего? – шепчу я.

Он поднимает руку. Тянется ко мне.

И тут меня прорывает.

Я ныряю под его руку и бегу.

Не думаю, не соображаю. Просто ноги сами несут меня прочь от этого взгляда, от этого жара, от него самого. Я знаю, что он ничего плохого мне не сделает. Но остановиться уже не могу.

Влетаю в гостиную, на бегу бросаю через плечо:

– Тебе что, футболки одной жалко?!

Голос срывается на визг.

Слышу тяжёлые шаги за спиной. Руслан догоняет. Я почти чувствую его дыхание на затылке.

– Какая к херам футболка?! – рявкает он. – Стой!

Я прибавляю скорость. Вылетаю на веранду, прямо к стеклянной двери, ведущей на пляж. Солнце слепит глаза, заставляя щуриться. Если выбежать наружу, он не пойдёт за мной – голый же! Ну не пойдёт же? Не посмеет?

Распахиваю дверь и выскакиваю под слепящее солнце.

Песок обжигает босые ноги. Горячий, как сковородка. Каждый шаг отдаётся болью, но я бегу, не чувствуя её. К воде, к спасительной воде.

Сзади слышен приглушённый мат. Руслан выскочил следом.

Обернуться успеваю только раз.

Он выходит из домика, так ничем и не прикрывшись, целеустремлённо прёт за мной как танк. Ему, похоже, всё равно на все правила приличия.

– С ума сошёл! – кричу я, продолжая бежать. – Ты голый!

Вокруг, как назло, ни души. Ни одного человека. Только пальмы, бескрайний песок и бесконечный океан.

Он идёт. Не бежит даже – идёт. Уверенно, неотвратно. Солнце бликует на мокрой коже, играет на мышцах. Он похож на античного бога, сошедшего с пьедестала. Только очень злого бога.

Я разворачиваюсь и бегу дальше. Ноги увязают в песке, дышать тяжело, лёгкие горят. Футболка развевается за спиной, путается в ногах.

Вот уже вода – сначала прохладная, потом холодная. Контраст с горячим песком такой резкий, что перехватывает дыхание. Я забегаю в океан по колени, по пояс...

Сильные руки обхватывают меня со спины.

Руслан прижимает меня к себе, разворачивает лицом к себе. Вода вокруг нас пенится, волны накатывают, но я чувствую только его руки на моей талии и грудь, которая прижимается к моей сквозь мокрую ткань.

- Что ты делаешь?! – выдыхаю я, пытаюсь вырваться. – Совсем сдурел? Люди же увидят!
- Какие люди? – усмехается он.

Вблизи его глаза кажутся ещё темнее, ещё глубже. Зрачки расширены, он сейчас выглядит немного сумасшедшим.

- Тебя хочу, – говорит он просто. Без тени смущения. – И не говори, что не хочешь тоже. Я замираю.

Потому что он прав. Потому что всё это бегство – не от него. От себя. От того, как сильно я его хочу. От того, что каждое его прикосновение заставляет моё тело трепетать. Я боюсь этого чувства больше, чем урагана.

- Ну? – спрашивает тихо, почти нежно. Ждёт ответа.

- Руслан... – шепчу я.

- Что?

- Мы не можем...

– Можем, – перебивает он. – Всё можем. Разве ты не знаешь, что все запреты только у нас в голове?

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.